

Нить Ариадны... Каникулы во Франции

НИТЬ АРИАДНЫ... КАНИКУЛЫ ВО ФРАНЦИИ

Автор, Борис Петрович ЮЛЕГИН, в своей очередной книге со свойственной ему легкой иронией делится впечатлениями о сегодняшней Франции.

Документальные заметки достаточно убедительно переносят читателя в атмосферу как нынешнего Парижа, так и южной французской провинции. Автор не чуждается описания исторических фактов, природных аномалий и тонкостей местного быта, особенно в сравнении с российскими.

В заявленном документализме можно по мере прочтения углядеть его ненавязчивое перерастание в художественно-публицистический анализ взаимодействия французского государства и личности, власти и народа в целом. Что, впрочем, придает книге дополнительную ценность и шарм.

Заметки, если дочитать их до конца, могут не только оставить впечатление, но и сыграть положительную роль в дальнейшей судьбе читателя. По крайней мере, Франция может стать для него первой в очереди стран, желанных для посещения.

Особенно ценными эти ироничные заметки могут стать для стажеров Президентской Программы, которые по возвращении из Франции, мы уверены, будут руководствоваться в своей жизни постулатом: "Каждая невыключенная лампочка - лишний рубль в кармане Чубайса". Ответ на ряд вопросов, - проживание, питание, корпоративные ценности, особенности общения, практическое использование опыта автора послужат им в понимании страны путеводной нитью Ариадны... В добрый путь!

О. Лукина

ИДЕЯ

- Опять мечтаю поехать во Францию.
  - Вы там бывали?
  - Нет, конечно. Но мечтаю.
- (Русский прикол)

Эти путевые заметки могут и не стать исчерпывающим пособием для российских женщин, не нашедших на родине достойного спутника жизни. Скорее всего, этим зарисовкам не суждено оказаться и полным путеводителем по достопримечательностям столицы Франции. А уж тем более не откроют они ничего

нового для тех, кто собрался доживать на чужбине.

Эти зафиксированные наблюдения и впечатления в большей степени адресованы тем, кому нравится путешествовать, кто умеет и хочет сравнивать жизнь там, в капитализме, и здесь, непонятно где, – уже не в социализме, но еще и не в капитализме. Тем, кто любит жизнь во всех ее проявлениях и доброжелательно относится к Франции. Тем, кто морально готов к поездке, но никак не решится сделать решающий и, как оказывается, совсем простой шаг.

Все достаточно неожиданно сошлось, образовалось и склеилось, будто бы само собой. Еще осенью мы и не помышляли о том, что можно встретить Новый год во Франции. В мыслях не было.

Но оказалось, что у Насти, нашей любимой племянницы из Подмосковья, это последняя возможность отдохнуть и посмотреть мир перед поступлением в институт. А Настин папа готов финансировать поездку любимой дочери, а заодно и жены. Выяснилось вдруг, что вновь, благодаря неожиданному и пока не отмененному решению Думы, намечаются длинные каникулы. И что нет здесь, в России, таких уж совсем неотложных дел. А наша любимая подруга Яна, недавно вышедшая замуж за француза из Южной Франции, каждый день по электронной почте умоляет приехать, привезти ей сигарет и книг на родном языке, а главное – поговорить по-русски. Так группа из четырех человек и сколотилась. Своего рода бригада МЧС по помощи соотечественникам за рубежом.

Все сложилось во времени, и в пространстве. Едем во Францию!

ХЛОПОТЫ

А на чем ехать и как быть с билетами? По дороге из Твери грех в Париже не остановиться, а как гостиница? Потом до Тулузы – на чем? А это больше семисот километров. От Тулузы до нужной нам деревни еще семьдесят, но на вокзале обещают встретить на машинах. Главное для начала – получить визы. А все остальное – потом.

Хоть французы и не американцы, но тоже ребята не простые. С ними тоже надо держать ухо востро, чтобы и лишнего не ляпнуть, и не засмеяться некстати, и все хорошее про себя суметь рассказать. Знающие люди предупредили о тонкостях норова консульских служащих, и заранее доброжелательно предсказали неудачу нашей попытки.

Возле каждого московского иностранного посольства снуют, трудятся представители страховых и туристических фирм. И здесь – не исключение. Помогают заполнить анкеты, заполняют полисы. Не бесплатно, конечно.

- Девушка, смотрите, мы еще были в странах Евросоюза, - радостно показываем странички паспортов со старыми визами, зная, что во многих случаях это помогает.

- Это что, Эстония и Латвия - страны Евросоюза?- с очевидной иронией в голосе показывает свою осведомленность наша помощница. – Лучше в консульстве и не упоминайте про них. Французы не любят новых членов Евросоюза, особенно мелких восточных, - посоветовала фирма.

Все оказалось проще, чем думалось, и чем нам предрекали. Визы оформили в один день. А ближе к Рождеству, как потом выяснилось, действительно появились проблемы. Но уже не у нас.

Автобусом добираться дольше и неудобнее. И не каждый день ходит. Но зато вроде бы дешевле. За месяц до поездки – билетов сколько хочешь. Хоть до Парижа, хоть напрямую до Тулузы. Это нам сказали в автобусных кассах аэропорта, что на Ленинградской дороге возле стадиона «Динамо».

Но цены оказались сопоставимыми с самолетом. А на самолет и выбор есть – хочешь утром, хочешь вечером, да по несколько рейсов, да каждый день. К тому же выяснилось, что цена авиабилета до Парижа ниже, чем лететь в Сочи. Потом уже обнаружилось, что в связи с повсеместным отсутствием снега на горнолыжных курортах, многие «горнолыжники» решили рвануть в Париж. Но их здесь ожидал холодный душ – цены на авиабилеты в самый канун Рождества выросли в три раза.

- Девушка, а надо говорить, что мы в других странах Евросоюза были?

- Это что, Эстония-то с Латвией - члены Евросоюза? Лучше не надо, спросят – скажите, не спросят – молчите.

- А в других консульствах мы всегда говорили, и всегда это помогало.
- Не надо. И так в паспортах увидят. Очень они не любят новых членов Евросоюза. Особенно мелких восточных. А как там, в Прибалтике, продолжают нарушать права русских?
- Это - смотря с чем сравнивать.
- А хотите, я назову вам страну, где права русских нарушаются больше всего?
- Не надо, не надо, знаем мы эту страну не хуже вас. Спасибо, девушка.

КАК ОБЩАТЬСЯ?

Конечно, лучше всего владеть французским языком. И наша подруга Яна Васильевна, вряд ли бы оказалась во Франции, если бы в школе и пединституте не учила французский. Что-то запомнилось, отложилось. Кто ж тогда знал, что эти знания пригодятся? Пригодились. А сейчас там доучивается. И государство ей за это доплачивает. За курс, а она сдала уже три курса, - по тысяче евро. Мелочь для мигранта, а воодушевляет и стимулирует. Неглупое государство. Даже странно как-то. Тебя учат, да еще и доплачивают за это.

Простому русскому туристу, не учившему французский в институте, тоже как-то надо разговаривать, если собрался во Францию. И тоненького разговорника для этого вполне достаточно. Надо только запомнить, что и когда говорить. А после сорока лет и это не просто.

Осознание того, что не все французы владеют русским, должно прочно закрепиться в памяти. Во французской деревне и по-английски не каждый говорит. Заучить хотя бы несколько выражений – святая обязанность российского туриста. Без этого – ну никак.

Потом, правда, оказалось, что и французы не лыком шиты. Многие из них знают несколько специфических русских слов. Это КГБ, ГУЛАГ, Калашников и водка. То есть, какая-то общая база для общения уже есть.

Итак, сначала несколько общих правил, выстраданных личным опытом.

Во-первых, французские слова произносятся совсем не так, как пишутся. Взять хотя бы их самый популярный автомобиль. С эмблемой ромбика. Пишется-то как: «Renault», а читается – Рено. Или название местечка, где построен самый высокий в мире виадук. Пишется «Millau», а произносится как Мьё. И так каждое слово. Ни понять, ни запомнить невозможно. Да особо и не надо. Мы же не романы писать собираемся, а разговаривать.

Во-вторых, французская буква «R» читается совсем не так как наша «р». Поэтому даже ваши искренние «мерси» или «бонжур» французское ухо может не воспринять. «Р» произносится как нечто среднее между нашими «х» и «г». Близко к тому, как ростовчане произносят букву «г». Поэтому привычное для нас, почти родное, слово «оревуар», должно, оказывается, произноситься примерно как «огвуах». Просто надо немного картавить. А наш бурлящий и раскатистый «оревуар» никто и не поймет.

В третьих, у французских слов ударение всегда на последнем слоге. И никаких исключений. С учетом этих поправок надо выучить приветствия, извинения, выражения благодарности. Мерси, сий в пле, бонжур, мадам, месье, пардон или эскюзи муа должны во Франции отскакивать от зубов как здесь, в России, отскакивают совсем другие слова. Это обязательный минимум. Лучше не к месту и с акцентом сказать «мерси» или «бонжур», чем не сказать вовсе. В противном случае откровенное удивление вашей невоспитанностью неизбежно. А то, что вы – русский, скрыть невозможно. Значит, родину опозорите.

Одна маленькая деталь. Чем дольше вы тянете последний слог в этих словах, тем ярче проявляете искреннюю радость от встречи.

И еще одно выражение всегда будет кстати. Это «са ва». Сказанное с вопросительной интонацией оно обозначит ваш интерес к делам собеседника, как, мол, дела у тебя, старина. А утвердительная форма скажет о том, что у вас все нормально, и нет поводов для беспокойства.

Никогда не помешает похвала собеседнику, его дому или стране. «Бон» – это хорошо. Отсюда и «бонжур» - хороший день, хорошего дня. Или «бон аппетит». А «тре бон» – очень хорошо. Но больше применимо к еде. А «тре бьен» – хорошо для души. Если же вам что-то очень понравилось, то просто повторите несколько раз слово «тре» перед «бон» или «бьен», и французы оценят ваш восторг.

Не представляет труда вспомнить известные с детства выражения. Скажите в задумчивости: «Шерше ля фам» - «ищите женщину» - или «Де жа вю», мол, где-то и когда-то с вами это уже происходило, и почувствуете возросшую симпатию окружающих.

А если еще заучить известное выражение известного литературного героя «Месье, же не манж па си жур», то доставите удовольствие и себе, и людям. Вы жалуетесь, что несколько дней не ели, но французы по вашему лицу сразу определяют, что это шутка. И вместе посмеетесь. У французов хорошее чувство юмора.

Хорошо бы еще заучить выражение «Кес ке сэ?». Так вы спрашиваете, удивляясь, мол, что это? Француз наверняка что-то ответит. Теперь вам надо согласно кивнуть головой и сказать «уи», что означает «да». Вот и диалог получится.

Мы и не подозреваем, как много знаем слов из незнакомого языка, даже не изучая французский. Вираз, вояж и макияж. Или пасьянс, что означает терпение. Или марьяж, - оказывается, по-французски - это свадьба. Пароль – это слово. Мезон – дом. Все известно.

Кстати, и слово «водка» совпадает. Только у них ударение не на том слоге, наверное, потому что отношение к напитку другое. А в слове «суп» и ударение совпадает. Чтобы эту тему логически закончить, следует напомнить, что наш тост «На - или за здоровье» звучит обыденно просто: «Санте!» Ну а совпадение терминов театра, цирка, кино, кулинарии, парфюмерии просто потрясает несведущего.

Но и это еще не все. Теоретически может так случиться, что французский собеседник вас поймет. И ответит. Вот это будет настоящая драма. Потому, что понять быструю французскую речь чужаку невозможно. Нужно время, чтобы начать улавливать слова. Самый простой выход – следить за интонацией и в нужных местах согласно кивать и говорить «уи».

Мы с Мишелем, мужем Яны, ехали на его машине вдоль французского ухоженного поля. Вдруг он останавливает машину, показывает пальцем в сторону подлеска и возбужденно кричит при этом: «Дэнь, дэнь!»

- Уи, уи, - неуверенно соглашаюсь.

- Дэнь, дэнь, - упрямо повторяет Мишель.

Я ничего не понял, но и он понял, что я ничего не понял. Тупик какой-то.

Дома взяли в руки толстые словари. Мишель не сразу, но нашел то, что искал. Он, опытный охотник, оказывается, увидел лань. Но были у слова и три других значения. Последнее из них – «дурак (разговорн.)», то есть в разговорном языке. О чем он тогда кричал? До сих пор нет полной уверенности.

СТРАНА

Как у нас края и области, так и во Франции регионы. Их двадцать два. Области у нас поделены на районы, а там регионы - на 95 департаментов. А вот дальше – самое интересное. В России недавно появились муниципальные образования, чтобы местное самоуправление не казалось пустым звуком. А там уже многие десятилетия в каждом департаменте – около трехсот коммун. Слово-то, какое! Мало того, что французы его придумали, так ведь и оставили для пользования. Каждая коммуна – это одна или несколько деревень. На всех уровнях начальство выбирается на 6 лет. В каждой коммуне – свой мэр. Тоже избранный народом. В нашей коммуне он ходит во фланелевой рубашке, потертых джинсах и сбитых кроссовках. Но дело свое знает и не ворует.

Это невероятно, но граждане безоговорочно верят своему государству. Мысль об обмане не приходит в голову даже нашим бывшим соотечественникам. Еще бы! Это государство выделяет им квартиры, платит за обучение языку, компенсирует расходы за коммуналку. А пособия, а бесплатное образование и медицина?

Верят не только государству в целом, но и каждому должностному лицу.

Здесь никто даже представить себе не может, что возможны договорные отношения и наличные расчеты с полицией или с чиновником. Смысла наших рассказов о многочисленных финансовых приключениях на российских дорогах французы просто не понимали, поскольку такого в их представлении быть не может. А бывшие соотечественники ностальгически вздыхали. Они чувствовали, что что-то все-таки безвозвратно потеряли, покинув родину.

ПОСАДКА

Стюардесса по-французски объявила о скором приземлении в парижском аэропорту Шарль де Голль. Мы поняли последние слова и почувствовали возросшую уверенность в своих знаниях языка.

С правой стороны через иллюминатор видно, как параллельным курсом заходят на посадку еще 6 самолетов. А с левой, как и в Москве, продолжает вставать солнце. Летим ведь на запад, вместе с солнышком.

В Париже нас никто не встречал. Даже таможенники. После Шереметьевской яростной бдительности, отсутствие здешней таможни задевало.

Необъятный комплекс аэропорта, огромное количество одновременно взлетающих и садящихся самолетов заставляли замирать сердца. Аэропорт Шереметьево в сравнении с этой машиной казался теперь детской игрушкой, настольным макетом юного конструктора.

Тщетно ожидая таможенников, чуть не прозевали свой багаж. До такси тридцать метров, и на двух тележках все шестнадцать багажных мест добираются, куда нужно. Вот он, воздух свободолюбивого Парижа, вот оно, обжигающее декабрьское солнце! Такое чувство, что приехали в знакомый город, что мы здесь уже были. Говорят, такое чувство возникает у всех, кто сюда приезжает.

Когда-то давно, будущий президент США Джефферсон, сказал, что Париж – это вторая родина для каждого человека. Он, наверное, и не подозревал, насколько окажется прав.

ПОДАРКИ

Половину багажа заняли подарки. Без подарков негоже ехать в чужую страну, да еще на три недели. Естественно, взяли то, чего там нет, или намного дороже.

Конечно это водка, по две бутылки на совершеннолетнее лицо. Больше нельзя по правилам. Если знать, что не будут проверять, то можно взять и больше. Но тогда проверят обязательно.

Русская водка из России ценится так же, как дорогое лекарство. Местный напиток с тем же названием не имеет ничего общего с оригиналом. И градусов меньше, в строгом соответствии с их нормами, и вкус совершенно непотребный. Но чтобы это понять, надо попробовать. Самая дешевая водка в магазинах – одиннадцать евро, или почти четыреста рублей. И название какое-то странное – «Полякофф». Задумаешься.

Вторая позиция, тоже ядовитая, – сигареты. Брать их надо даже некурящим, по два блока. Хотя бы из жадности. Дело в том, что во Франции пачка сигарет стоит больше пяти евро. Помножим для простоты на тридцать пять, и получим результат в рублях. Кто сказал, что мы здесь плохо живем?

Традиционный подарок из России – икра. Черной уже много не купишь, кусается ценой, да и в продаже трудно найти. А красной надо брать столько, сколько можешь довести. Не только лучший подарок, но и достойный вклад в общий стол.

Книга для бывших россиян на чужбине – это больше, чем подарок. Это как холодная бутылка Кашинской минеральной воды для отчаявшегося путника в знойной пустыне. Как глоток воздуха в перекрытом противогазе. Книг ждут не меньше, чем икры. А даже больше. И первые дни народ упивается родными буквами, даже не вникая в смысл прочитанного.

Перетаскивая багаж по России и Франции, мы сначала думали, что переборщили, купив в подарок Яне DVD плеер с караоке. А на диске четыре тысячи русских песен. Потом убедились, что не зря. Пение наших песен очень скоро стало главной забавой французской деревни и ее постоянных гостей с российскими корнями.

ФРАНЦУЗСКИЕ «ПРОКОЛЫ»

Мало того, что в аэропорту нас вызывающе проигнорировали французские таможенники, так и не показавшись. Ко всему, первый подруливший к стоянке на серьезной машине таксист категорически отказался везти такое количество багажа. Темнокожий выходец из Нигерии или Сенегала старательно махал длинными руками, изображая предстоящую агонию своего такого же черного, сверкающего «Ситроена».

Все же оказалось, что не таксисты решают, кого брать, а диспетчер. Совсем не так, как в Шереметьево. Девчушка в светоотражающем жилете, оценив размер нашей компании, ловко выдернула из подъезжающих машин здоровый, лощеный Фольксваген. Больше «Пассата», но еще не грузовик. Водитель, – скорее всего, кореец, не то что спорить не стал, а заулыбался нам, как ближайшим родственникам. И вещи сам погрузил. Но прокол есть прокол. Отказался же темнокожий таксист нас везти.

На этом французские проколы не закончились. Наши спутники почувствовали это позднее, в их райцентре, попытавшись разменять купюру в 500 единиц. Не тут то было! Нет во Франции наличных денег! Все по безналу. Пластиковыми карточками рассчитываются в магазинах и кафе, на вокзалах и в гостиницах. Пожалуй, только такси для них пока не приспособлены. Хотя в такси мы и не пытались расплачиваться подобным образом.

Уже потом, в середине нашего путешествия мы нашли приемлемую схему размена крупных купюр. Во-первых, надо найти француза или француженку, обязательно клиента именно того банка, где вы собираетесь разменивать. Без клиента и пытаться не надо. Во-вторых, этот француз берет ваши купюры и кладет их в банке на свой счет. В-третьих, после всего этого ваш друг-француз подходит к ближайшему банкомату и своей карточкой снимает ваши деньги со своего счета, но уже в купюрах помельче. В конце операции друг или подруга предупреждает, что если купюры окажутся, мягко говоря, нестандартными, то у него, благодаря вам, будут неприятности. Так что все очень просто.

Если быть до конца честным, то в большом парижском магазине деньги, конечно же, разменяют без проблем.

- Мишель, а как часто покрышки приходится ремонтировать?
- Что ремонтировать?
- Ну, автопокрышки, резину автомобильную, сколько раз в год ремонтируешь?
- А зачем ее ремонтировать, она хорошая, почти новая.
- Что разве проколов не бывает, или диск не мнется?
- Не, проколов не бывает, и диск не мнется, а меняем резину, когда изнашивается.
- Года через три – четыре.
- Это, наверное, тебе так везет.
- Да нет, у всех так. И как вообще можно резину проколоть? Чем? Опять шутишь, да?

Следующий французский прокол коренным образом повлиял на структуру и формат нашего путешествия. Мы собирались в Париже взять напрокат машину. Это по нашим подсчетам, было бы дешевле, чем добираться до деревни на поезде. И удобнее, потому что можно сделать остановку в любом симпатичном городке. Ближайшая фирма по прокату спряталась под вокзалом «Норд». Оказалось, на ближайшую неделю, до самого Нового года, машин нет! Все расхватали. И нет не только в этой фирме, но и во всем Париже, заверили нас на чистом английском. Менять свои намерения нелегко, но, как говорится, все к лучшему. До Тулузы надо было добираться поездом. А для наших бизнесменов, оказывается, есть еще возможность развернуться и в Париже. Нашли же мы незанятую нишу – аренду автомобилей на рождество.

И еще один прокол, случившийся как раз из-за предыдущего прокола: наш поезд прибыл в Тулузу с четырехчасовым опозданием. За это его показали по всем программам французского телевидения. Но об этом позднее.

ГОСТИНИЦА

Гостиницу, для краткости, – отель, мы заказали и оплатили еще в Твери. В это трудно поверить, но все сработало. Показали портье тверской квиточек, и нас сразу заселили, ничего больше не требуя.

Отель наш, как оказалось, расположился в самом центре Парижа, в районе Больших бульваров, в десяти минутах ходьбы до Гран Опера. И от метро в пяти минутах. Правда, табличка с названием отеля «РЕКС» честно показывала две звезды. Это у нас, в России, все отели по четыре и пять звезд. Французам до нас далеко.

Но мы справедливо считали себя бывальыми путешественниками и не рассчитывали на особый комфорт. Было бы, где переночевать.

Выяснилось, однако, что наш четырехместный номер не только имеет все удобства, вплоть до неподтекающих кранов, но и телевизор, холодильник, телефон. И все работает. Не было и тараканов, так любивших снесенную ныне гостиницу «Россия». К тому же в номере уютно разместилось пятое спальное место. А балкон с видом на очаровательную парижскую улочку доводил нашу затаенную мечту о временном жилище в Париже до полного совпадения с реальностью.

Сам отель – один подъезд старого четырехэтажного дома с узенькой винтовой лестницей между этажами. В лифте - двоим не разместиться. Соседний подъезд – это уже другая гостиница, другое название. Можно предположить - точно такая же, как наша. И таких гостиниц – сотни.

В сутки наш номер стоил ровно сто евро, то есть по двадцать пять с человека. Умножим на курс, и окажется, что отель в Париже дешевле мотеля в заброшенной деревне на трассе между Москвой и Питером. Можно, конечно, и с Москвой сравнить. Те, кто знает тамошние цены, все поймет, а тем, кто не знает, и знать не рекомендуется для стабильности нервной системы.

В отличие от наших, в каждом французском отеле на специальных стеллажах лежат всевозможные планы, карты, схемы городов и районов. То, что в России и за деньги не найти, здесь раздается бесплатно, бери, сколько хочешь или сколько донесешь. Наш отель не стал исключением. Только глобуса Парижа не было.

И еще один козырь: в стоимость номера входит завтрак! Каждому! Тут же, на первом этаже, в дальнем конце фойе накрываются четыре столика.

А тут и козырной туз: наш седовласый портье чудесно говорит по-русски! Во всяком случае, гораздо лучше, чем мы - по-французски.

ПЕРЕКУСИМ?

Французский завтрак – это вовсе не завтрак в нашем понимании. Так, баловство. Никаких тебе каш, бутербродов с колбасой, яиц всмятку или жареного бекона..

Парижский завтрак – это апельсиновый сок с мякотью, маленькая французская булочка, круасан, две упаковочки сливочного масла и конфитюр. На выбор – чай или кофе. Кофе, чай и сок можно повторить. Все очень вкусно, но мало. И непривычно много булочек.

Кстати, вкус булочки – поразительно точная копия того, что еще год назад выпекали тверские хлебопеки под названием «французский батон». Сейчас и вкус этого длинного батона изменился, и корочка не такая хрустящая, и крошится. Наверное, рацпредложение внедрили, или мука другая, или чего не доложили. Так что тем, кто хочет вспомнить вкус настоящего французского батона, придется ехать в Париж.

Этот нехитрый завтрак в маленьких парижских кафе стоит не меньше восьми евро. По-нашему – под триста рублей. Немало. Хотя с Москвой вполне сопоставимо.

Пища для французов – предмет культа и национальной гордости. Поэтому ни одно заведение не позволит себе приготовить невкусно. Уже только по виду можно определить, что блюдо приготовлено с любовью, с уважением к посетителю и к себе. Дороже чем за двенадцать евро обеденные порции мы не брали. Но все равно - очень много и очень вкусно. Голодными не ушли ни разу.

Впрочем, об обедах и напитках, о праздничных пиршествах, а также о некоторых кулинарных рецептах, –

речь впереди. Ввиду особой значимости темы.

КРАСНЫЙ АВТОБУС

Знаюки Франции еще в Твери наказали нам непременно воспользоваться «Красным автобусом». Мол, это лучший способ быстро узнать Париж. Действительно, за двадцать два евро покупаешь билет и можешь два дня подряд ездить по достопримечательностям.

А можно выйти на любой из девяти остановок. Походить по городу и снова сесть в Красный автобус. И экскурсовод русский. В том смысле, что при входе в автобус бесплатно выдаются наушники. У каждого места – разъемы для их подключения. Русский канал значится под шестым номером. Включил – смотри вокруг и внимательно слушай. Верх автобуса открыт. Замерз – спускайся в салон. Автобусов столько, что в каждом, рассчитанном человек на шестьдесят, в конце декабря путешествовало всего по три – четыре туриста.

Одна из остановок этого автобуса – Гран Опера, рядом с нашим отелем. Там мы и сели. Первый круг проехали, не выходя. Смотрели, как замороженные. А остановки-то какие! Эйфелева башня, Марсово поле, Лувр, Собор Парижской Богоматери, Триумфальная Арка с Елисейскими полями, Большой дворец. Только через Сену переехали восемь раз. Каждый мост – произведение искусства.

Неужели это мы? Неужели мы в Париже?!

Погода удалась на славу! Ясно, около нуля. Для французов холодно, нам – в самый раз. Впечатления заплескивают. Хочется фотографировать все подряд. Хорошо, что придумали цифровые фотоаппараты. Главное - не упустить, когда все отснятое снова надо переписать на диск.

Первая остановка, где мы вышли на повторном круге, была Эйфелева башня. Чувство, что мы здесь уже когда-то были, не покидало ни на секунду. Этот Джефферсон трижды прав. Оказывается, и среди американских президентов были толковые ребята.

ЯНА

Яна приехала в Париж вечером, в тот же день, поездом из Тулузы. Не терпелось увидеться. Полтора года ждала встречи. Да и в Париже-то толком сама не была ни разу, хоть три года во Франции. Получилось, что мы, россияне, встречали в Париже новоявленную французенку. Вот и пятое спальное место пригостило.

Не получалась жизнь в Твери. Не складывалась. И на работе зависть, ревность и подлость. И замечания делают, почему это ты, мол, делаешь документы для этих бизнесменов за два дня, когда положено две недели. А не получается дольше! Просто не привыкла сидеть без дела. Увы, не любят у нас таких.

И в семейной жизни не сходилась. То алкаш, то зануда, то просто козел. Может, не случайно на тверском гербе по-хозяйски расположились эти невинные парнокопытные.

До такой степени все не складывалось, что решила Яна в свои сорок пять дать объявление во Францию.

А там - совсем обратная картина. Не только по статистике, но и в реальной жизни на девять девчонок приходится десять ребят. Не хватает женщин. Как и в разумной природе. Потому, французские мужички, присмотревшись и оценив международную обстановку, стали западать на славянок. Что тут скажешь - и красивые, и работащи.

Вот и получила наша Янечка на свое письмо с фотографией больше сотни писем из Франции. И мужики-то французские – как на подбор. Не старики какие-то девяностолетние, а совсем ровесники. Это все потому, что у них статистика такая, и потому, что французы совсем не дураки и долго просчитывают перед тем, как принять решение.

Но научена жизнью была и наша Яна Васильевна. И долго изучала и выбирала, боясь в очередной раз ошибиться. И, в конце концов, сделала свой выбор.

Мишель ни разу не был женат, и со временем поумнел настолько, что понял: без жены с каждым годом будет все труднее. Правильно думал. Хотя и привык жить один.

Если сравнивать внешние данные француженок и россиянок, то и говорить ничего не следует. Надо просто тем, кто не любит теннис, преодолеть себя и посмотреть один теннисный матч с их противостоянием. Даже и фамилий можно не называть. Вот точно так же и в жизни. Такая же разница.

Но французам вовсе не женская красота нужна. Им нужна любовь, но вместе с любовью, - трудолюбие. И не сразу разберешься, что нужно больше.

Так что те юные дарования, не получившиеся фотомодели, которые думают, что именно их во Франции и ждет принц, заблуждаются. Никто их не ждет, и никому они не нужны. Нужны симпатичные и оптимистичные тетки-работяги любого возраста, способные взять на себя все заботы по дому, саду, огороду. Такие и у нас нужны.

И, тем не менее, уезжают наши девоньки. И никто не хочет возвращаться. Значит что-то там есть привлекательное.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

И в Париже, и во французской деревне работает шесть телепрограмм. То есть примерно так же, как и у нас, если не подключено кабельное. И содержание примерно одинаковое. Только у них все скучнее. Нет ни убийств, ни взрывов, ни пожаров.

А остальное – то же самое. Даже передача «Как стать миллионером» до боли похожа на нашу. И студия та же, и оформление студии – один к одному, и музыка, и свет. И ведущий – копия Галкин, только постарше на пару десятков лет. Кто у кого, как бы помягче выразиться, стянул проект? Наверняка, французы у нас.

Оказалось, что даже наш душераздирающий сериал «Не родись красивой» давным-давно идет в Европе, только актрисы в главной роли везде свои. Это нам подсказала племянница Настя, углядела-таки плагиат. Мы-то такое в России не смотрим.

А может это договоренность такая по всей Европе, чтобы везде пудрить народу мозги одинаковыми сериалами. А может, просто выдумки не хватает у наших продюсеров.

Та же история и с информационными программами. Язык разный. А студии – как близнецы, - у них, и у нас.

Разница и в том, что они про Россию почти не говорят, будто и нет нас вовсе. Только нефтяной скандал с Белоруссией промелькнул пару раз на экране, и все.

Иногда, правда и Куршавель показывают. Тогда Мишель кричит на весь дом: «Яна, Яна, нашего губернатора показывают». Действительно, скоро вся Франция тверского губернатора будет за своего признавать. В лицо уже знает.

Но главное внимание всех программ - своим бомжам, требующим каждому французу крышу над головой. Бомжи расставили палатки по парижским набережным, живут там, пьют шампанское и требуют бесплатных квартир. И чтобы государство еще оплачивало коммунальные услуги. А работать не хотят, даже на биржу становиться не желают. Премьер, а за ним и президент, в один голос удивляются, как же это, мол, в нашей Франции такое могло случиться, что столько людей без жилья? И обещают исправиться. А ведь и исправятся!

Через месяц после возвращения из Франции, уже по нашему телевидению бегущей строкой проскочила информация о том, что французский парламент одобрил законопроект, предоставляющий жилье всем бездомным. По главным каналам об этом ничего не сказали. Понятное дело, для нас это совсем не актуально и не интересно.

Ну а там, где подключено кабельное телевидение, выбор огромный. Все зависит от того, какой пакет выбран.

У Яны и Мишеля в деревне, помимо местных, пять русских телепрограмм, да две украинских впридачу. Даже перебор беспокойной информации. Бывшие соотечественники попривыкли, а французам после этих

программ кошмары снятся.

БОМЖИ

Местные бомжи очень похожи на наших. Только утонченные манеры выдают в них французов. И пьют они не настойку боярышника, а фирменное шампанское.

Мы шли вдоль Сены, вдоль берега, искали причал речного трамвайчика, чтобы с воды посмотреть центр вечернего Парижа.

Около береговых опор мостов, почти у воды, аккуратно сложены ящики и большие картонные коробки. В этих ящиках ночуют бездомные. Когда мы поравнялись с одним из ящиков, из него показалась человеческая рука и дружески нам помахала в искреннем приветствии. Да еще откуда-то из глубины коробок раздалось: «Бон суар», что означает «добрый вечер».

Забавный случай произошел возле большого королевского дворца, который был построен еще по заказу кардинала Ришелье, на выходе из внутреннего парка. Того самого, где экспонируются движущиеся модернистские конструкции из нержавеющей стали.

Нам же под ноги некогда смотреть. Мы, разинув рты, смотрим по сторонам. Поэтому немудрено, что кто-то из наших не заметил металлической баночки для сбора мелочи, и двинул по ней ногой. Это бомжи собирали налог с любопытных туристов. Никакого скандала не последовало, наоборот, сидящая на асфальте под аркой группа местных жителей стала оживленно приглашать нас допить с ними бутылочку «Вдовы Клико». Это шампанское такое. Очень недешевое.

ТУАЛЕТЫ

Для туриста, как ни крути, эта тема одна из важнейших. Жизнь есть жизнь. И процессы, сопровождающие жизнь, неизбежны для всех. А отношение к этим процессам властей, показывает отношение этих самых властей к людям в целом. И к каждому человеку в отдельности.

Организация этого дела в Париже вызвала искреннее восхищение и даже некоторую зависть. К чрезмерному гуманизму французов. Туалеты – везде. И в центре города, и у каждой станции метро, и просто на оживленных улицах. Но самое удивительное, что все – бесплатно! Невольно вспоминаются московские вокзалы и центры крупнейших российских городов, где этот бизнес скоро может стать самым прибыльным. Прибыльнее нефти и оружия. Народа-то еще сколько в стране!

Как тут не вспомнить и российско-латвийскую границу. Сразу после пограничного контроля на латвийской стороне вдоль дороги через каждые сто метров - пять подряд туалетных кабинок. Латыши убедительно показывают, где и как государство относится к человеку, к его потребностям и правам.

- Так где нарушаются права? – с неммым укором спрашивают эти кабинки. И сами своим видом отвечают на этот нехитрый вопрос.

Раз тема поднята, надо доводить ее до конца.

Парижские кабинки больше похожи на афишные тумбы. Такие же небольшие и круглые. Сверху - светящийся, как на такси, плафон, чтобы не перепутали. Рядом с дверью табло, показывает - свободно заведение, или занято. Нажимаешь кнопку у полукруглой двери, дверь и открывается. Закрывается сама, без участия клиента. Ваша задача только сделать то, зачем вы вошли. И руки помыть. Все остальное делается автоматически. Чтобы выйти, надо коснуться ручки на двери. Не надо ничего давить и откручивать. Вас выпускают, после чего туалет сам закрывается и там наводится порядок. Что-то булькает, урчит, гудит. Происходит процесс уборки. И только через минуту, на табло загорается «Свободно». Придумают же! И – бесплатно! Обидно даже. Мы – то чем хуже?

СИМВОЛ

Как ни ругали французы в свое время Эйфелеву башню, но она стала главным символом и города, и всей страны. Случайно, или нет, но именно с нее и началось наше близкое знакомство с Парижем.

Вечером мы сошли с теплоходика возле Эйфелевой башни. Именно здесь начинаются и заканчиваются речные экскурсии по Сене. Выяснилось, что на башню в это позднее время очереди практически нет.

Десять евро стоит билет. Дорого по нашим понятиям, но как тут не воспользоваться ситуацией. Быть в Париже и не побывать на башне Эйфеля! Невозможно.

Париж сверху – совсем другой Париж, нежели из автобуса. Ночной Париж сверху, с третьего этажа Эйфелевой башни, с высоты почти триста метров – это третий Париж, город из чудесных снов, из волшебной сказки. Вид отсюда можно сравнить только с панорамой, открывающейся с крыши Монпарнаса, на который нас занесло за час до отъезда в Тулузу. Но там дело было днем, и мешал туман.

На третьем, последнем этаже башни, внутри застекленной смотровой площадки, над окнами, – указатели. Сколько километров до любой столицы, до любого крупного города мира. Оказывается, не так далеко мы улетели. До Москвы всего две с половиной тысячи километров. А до Питера и того меньше – тысяча девятьсот. Рядом.

Сама башня с наступлением темноты смотрится совсем иначе, чем днем. С умелой подсветкой она напоминает лучшие работы торжеских золотошвей. Своей ажурностью, изяществом линий и грацией. Ни за что не поверишь в то, что здесь слились в одно прекрасное целое семь тысяч тонн обычного металла. Огромные шкивы, с помощью стальных тросов приводящие в движение вместительные кабины наклонных лифтов, напоминают о том, что башня – еще и инженерное сооружение. А не только произведение искусства. Предвосхищением будущего называли Эйфелеву башню в прошлом веке. Такой она видится и сегодня. И издали, и вблизи.

С наступлением каждого нового часа на башне на несколько минут загораются блески - тысячи мигающих голубых огоньков, что только усиливает эффект фантастического зрелища.

На выходе из башни нас окружило плотное кольцо молодых темнокожих французов, настойчиво предлагающих светящиеся, переливающиеся копии символа Парижа. Услышав русскую речь, продавцы башен наперебой по-русски закричали, что Россия – это хорошо. И что теперь-то уж нам обязательно надо купить эти сувениры. Мы еще не совсем понимали соразмерность валют и потому благоразумно отказались. Правильно сделали, потому что в других местах эти башенки оказались в три раза дешевле.

По статистике за год Эйфелева башня принимает почти семь миллионов туристов. Значит, чтобы побывать на ней всем россиянам, потребуется двадцать лет. А всем жителям Твери – всего один месяц. Если, конечно, захотят. И если в это время не пускать на башню никого другого.

МЕТРО

Парижское метро не сравнится ни с московским, ни с питерским. Наше роскошнее, шикарнее.

Наше метро – дворец, парижское – хрущевка. Но и оно приспособлено для решения своей главной задачи – перевозки пассажиров. Все победнее и потемнее. Но во многом и разумнее. Действительно, зачем мрамор там, где можно обойтись кафельной плиткой? И зачем открывать все двери вагона, если в него никто не входит и не выходит? Зачем хрустальные люстры, если светло и с обычными лампами дневного света?

А открываются двери вагона очень просто – надо нажать кнопку. А не нажмешь, она и не откроется. Это надо знать, иначе появляется риск навсегда остаться в вагоне парижского метро. Или так и не попасть в вагон.

Странно, но людей в метро немного. Не сравнить с постоянной российской лавиной. Может, высока цена, все-таки, почти полтора евро, – пятьдесят рублей по-нашему – это немало. Или отлажены другие, наземные транспортные схемы. Или просто людям некогда в метро ездить. Чем - то иным трудно объяснить.

Нет здесь московской ясности при пересадках. Надо быть очень внимательным к невзрачным указателям, а то можно заехать совсем не туда, куда запланировано.

Перегоны между станциями совсем короткие. Каких-то полминуты, и уже следующая остановка. Но тоже удобно и разумно. Тем самым уменьшается количество автобусов наверху.

МУЗЕЙ РОДЕНА

Музей Родена расположился напротив Собора инвалидов, неподалеку от Эйфелевой башни. Он даже не во всех путеводителях отмечен. Потому и посетителей немного. Мы попали в него прекрасным солнечным днем. Декабрьское солнце уже клонилось к закату, и от этого игра теней на мраморных скульптурах Мастера была ослепительно выразительной. Без полутонов, без полунамёков. Все предельно прямо и откровенно.

Можно походить по роденовскому парку от скульптуры к скульптуре. Можно постоять перед воротами, на которых все известные работы Родена собраны воедино его же рукой. Можно просто весь день простоять у одной композиции, восхищаясь в изумлении от совершенства сделанного: как можно из камня вырубить почти живые тела?

Очень много скульптур Бальзака. И в полный рост, и различные бюсты. Наверное, они с Роденом были друзьями. Иначе с чего бы такое внимание только одному из целой когорты великих?

Над оградой роденовского парка высится купол усыпальницы Наполеона. Он же Собор Инвалидов. Здесь нашли свой последний приют не только Наполеон, но и многие другие правители Франции. История, красота, умение Мастера, воздух Парижа, идеальная погода, - все переплелось и надежно расположилось на полочках памяти. Навсегда.

АВТОМОБИЛИ

Французы патриотичны в своих автомобильных пристрастиях. Не удивительно, что предпочтительнее всех – «Рено», потом – «Пежо», и, наконец, «Ситроен». С ростом цен предпочтения уменьшаются.

В Париже самая популярная машина – «Смарт». Из-за своей маневренности и экономичности. Эта, похожая на божью коровку машинешка, на улицах встречается чаще других. Дилетант вообще может подумать, что это четырехколесный мотороллер под крышей.

Французы говорят, что размер машины обратно пропорционален интеллекту ее владельца. Чем умнее хозяин, тем меньше машина. И наоборот. А если умный хозяин, значит, и дела у него идут успешно. Так, похоже, считают парижане. В отличие от наших.

Не удивительно, что и среди своих, французских, машин, наибольшая популярность - у небольших. Если «Рено», то преимущественно, «Клио». Или «Канго», в качестве маленького грузовичка. Если «Пежо», то, как правило, 106 или 206. Даже последние четвертые и пятые «Ситроены» - редкость по сравнению с «С1». В России их намного больше.

Правда, полиция для себя позволяет машины покрупнее и помощнее, и даже похожие на наши «Газели». Внешне, конечно. Начинка-то совсем другая.

Особое мастерство парижских водителей – парковка. Машины паркуются вплотную к тротуару и вплотную друг к другу. Даже пяти сантиметров не остается между бамперами. А иногда в этот зазор и лист бумаги не пролезет. Кажется, что-то, а уж выбраться из такого капкана невозможно даже теоретически. Но нет, как - то выезжают. Искусство своего рода.

Совсем другие предпочтения в двухколесной среде. Определяющим в выборе мотоцикла становится уже не любовь к родине, а реальные лошадиные силы и изящество форм. У «японцев» здесь явное преимущество. И маленькие мотороллеры, и огромные мотоциклы с багажниками – сплошь японского производства. Кроме суперблестящих и сверхмощных, дорогущих БМВ. Это – для элиты. Обилие мототехники на улицах не удивляет. Это самый удобный и быстрый вид транспорта для узких парижских улочек.

Хотя вечером, по пути из Лувра, мы были потрясены новым, экзотическим видом быстрого передвижения. Трое полицейских, против направления движения мчались, умело обходя препятствия, на роликовых коньках. Пронеслись, как ветер.

За все время не видели ни одной машины с мятым боком или разбитым фонарем. Больше того, - все чистенькие и блестящие, будто их только что отполировали. Неудивительно, потому что грязи и песка на улицах нет. Коммунальщики работают очень добросовестно с самого раннего утра и до позднего вечера. И

моют, чистят, пылесосят улицы и тротуары.

Париж – огромный, даже по нашим меркам, город. Но пробок нет. Нет ни в центре, ни на окраинах. Везде просвечивает разумность, логика и неукоснительное подчинение правилам. Если полоса предусмотрена только для общественного транспорта, то можно быть уверенным в том, что ни одна другая машина здесь не появится.

Пешеходы - под стать водителям. Большинство из них осознанно следует установленным правилам передвижения по городу.

А как же наши машины – «Москвичи», «Лады», «Волги»? А никак! За три недели во Франции мы не встретили ни одной машины нашего производства. И ни одной – с нашими, российскими номерами. Хотя были морально подготовлены к такой встрече и смотрели внимательно.

Только однажды, в далеком южном французском селении под названием Вельмюр сюр Агут, нас в гору стремительно обошла «Нива». Радость от встречи с родиной была беспредельной. Но недолгой. Уж очень быстро «Нива» растаяла в утреннем тумане. А поскольку дело было сразу после католического рождества, то подумалось, что нас просто видение посетило. Может и впрямь, померещилось?

Автомобиль во французской деревне – абсолютная необходимость. Это как лопата для крестьянской семьи. Как ложка к обеду. Количество машин в семье, как правило, равно количеству ее совершеннолетних членов. Поэтому у родственников Мишеля: и у двадцатилетнего племянника Эммануила, и у семидесятилетней матери - свои машины. Без машины невозможно. И в магазин, и в гости друг к другу, и в райцентр – только на машине. Вопрос с общественным транспортом решен сам собой. Он не нужен. А на бензин доходов хватает.

Разница деревенских авто с парижскими заметна. Здесь нет совсем новых машин. Новой считается трехлетка. Она намного дешевле, чем с конвейера. Нет и такого ослепительного блеска полировки. Не нужны в деревне и совсем маленькие автомобильчики. Предпочтение отдается машинам среднего размера, неброским, надежным, с вместительным багажником. В общем, - машинам – труженикам, но тоже своим, французским.

МОНМАРТР

Монмартр – это не просто самый высокий холм на севере Парижа. На самом деле, если бы не было Монмартра, то не было бы и Парижа. Или уж, по крайней мере, он был бы совсем другим. Подчеркнуто фешенебельным и чопорным. Монмартр освежает и очеловечивает облик Парижа своей беззаботностью и шаловливостью, безрассудством и вольномыслием, непредсказуемостью и озорством.

Вечерний Монмартр будит тревожные предчувствия. Чтобы почувствовать это, мы в первый же парижский вечер, несмотря на нахлынувшую к концу дня усталость, отправились искать приключений. Сфотографировались на пляс Пигаль, вспоминая песню Юрия Кукина про этот самый пляс и Монмартр у костра. Поразились огромному количеству светящихся, переливающихся, подмигивающих вывесок секс-шопов и ничтожным количеством народа, интересующегося содержимым этих самых шопов. Людей практически не было. Кроме нас и еще нескольких русских, которые со свойственной только нашим настойчивостью искренне пытались выявить причину недоброй, распутной репутации района.

Знаменитое на весь мир варьете Мулен-Руж – «Красная мельница» - призывало, требовало нас к себе всей трепетностью и зажигательностью своих красных фонарей. Но ничто не могло нас заставить в первый же вечер отдать по сто евро с человека пусть даже за лучший в мире кордебалет. И это было не русское «облико морале», а трезвый расчет, среднероссийская прагматичность. Говорят, в этом квартале бурлит ночная жизнь, здесь шумно и весело. Признаемся – не заметили. Может, не там искали.

Почти отовсюду в Париже видна прославленная базилика Сакре-Кер, построенная на Монмартре всего-то сто тридцать лет назад. В одном сооружении объединены элементы Возрождения и романского стиля, византийского и мавританского искусства. Но это несколько не умаляет ее великолепия. Вечером, собор будто висит над городом в лучах сотен умело направленных лучей прожекторов подсветки. Но до Сакре-Кер мы добрались только через несколько дней.

Утренний Монмартр – совсем другой город. Куда-то исчезли все секс-шопы, зато у подножия холма появилось множество маленьких кафешек и магазинчиков. Здесь выгоднее всего купить сувениры для себя и друзей, оставшихся на родине. Открыточки, брелочки, кепочки, шарфики – все не дороже, чем у нас.

От стен базилики открывается бесподобный вид на Париж. Но хорошую фотографию сделать трудно, потому что снимать приходится прямо против солнца, на юго-восток. Именно там и Эйфелева башня, и Гран-Опера, и Нотр Дам. Все – там, где солнце, за спиной только Сакре-Кер и переулочки Монмартра.

Каких-то сто шагов и мы на площади Тертр. На этой старой сельской площади работали и работают последователи Ван Гога, Ренуара, Пикассо. Их сегодня немного, человек тридцать. Но и потенциальных покупателей не больше. Все-таки зима, не сезон. Ба! Леночка обнаружила художника, у которого восемь лет назад купила точно такую же картину, как и ту, что он хочет продать сегодня. Тот же вид, тот же мост, те же цвета. Цена, правда, изменилась. Тогда картина стоила двадцать долларов, сегодня – восемьдесят евро. Художник развел руками – теперь краски дороже, чем тогда – картина. Вместе посокрушались, вспоминая доинфляционные времена. Но ничего не купили – дорого все же.

По Монмартру можно ходить и ходить. Кажется, повторяешь свой путь, пройденный здесь же несколько минут назад. Но нет, каждый раз оказываешься в новом месте. Вот и еще одна, почти действующая мельница, стоит прямо на перекрестке. Вот остатки стен монастыря. А вот – действующая церковь Святого Петра. Осветили ее, оказывается, в 1147 году. Как раз в год первого упоминания о Москве. И о Твери. Впрочем, этот спор между Москвой и Тверью, - кто раньше был упомянут, - еще не завершен.

Монмартр притягивает своей доступностью, доброжелательностью и искренностью еще больше, чем любой другой район города. Здесь каждый, кто сюда пришел, кто не поленился забраться на этот крутой холм, - свой. Это чувствуешь, понимаешь и ценишь.

ЛУВР

Лувр, как, впрочем, и Эрмитаж, как и Третьяковку, невозможно посмотреть за один прием. Здесь можно бродить неделями. Здесь – только шедевры. Один другого известнее. Схемы обозрения Лувра, чтобы не заблудиться, чрезвычайно подробны, и выдаются бесплатно. Чтобы туристы не отягощали себя переводом, составлены на восьми языках. Русского варианта почему-то не оказалось. Наверное, разобрали. В схеме - путеводителе указан минимально необходимый маршрут. Чтобы даже тот турист, у которого всего один час на знакомство с самым большим музеем мира, мог уйти счастливым, с сознанием выполненного долга. И сказать потом друзьям, внутренне гордясь собой: «Видел все!»

Все самые шедевры из шедевров обозначены на схемах. Более того, чтобы было понятно всем, четкие фотографии этих шедевров стрелочками показывают их расположение в пронумерованных залах. Даже цвет помещений подобран для каждого свой. Перепутать невозможно. Но заплутать - вполне. Если потерять концентрацию.

Мы запланировали на Лувр всю вторую половину дня. Договорились, что обойдем все самое известное, и обходить будем, пока есть силы. Можно было, будто бы случайно, примкнуть к одной из русских групп и услышать все на родном языке. Увы, ограничивало время. Да и расположение интересующих нас объектов мы выяснили сразу на входе по приобретенным схемам.

Стеклянная пирамида посередине внутреннего двора Лувра поначалу показалась инородным телом в этом воодушевляющем торжестве готики древнего замка. Второй взгляд с ней уже мирился. А потом происходило совершенно непонятное – сам собой напрашивался вопрос, как же они раньше-то обходились без этой пирамиды?

Разумность и элегантность – так, пожалуй, можно определить функциональное решение входа в музей, выполненное в виде пирамиды.

Как и в большинстве парижских музеев, - жесткий контроль сумок и сумочек. Вплоть до просветки в специальных камерах, как в аэропортах. Оттуда же заимствованы рамки-металлоискатели. Но вот контроль пройден, билеты куплены, схемы на разных языках в руках. Мы даже китайский вариант взяли, - вдруг пригодится? Вперед, на эскалаторы!

Из-под купола пирамиды можно отправиться в трех направлениях и на три этажа. Три крыла – Ришелье, Сюлли и Денон. Если не иметь схемы, то невольно растеряешься. Но мы-то знали, куда надо идти!

Вокруг статуи Афродиты, известной больше в народе как «Венера Милосская», – столпотворение. Еще бы, – самая известная скульптура в мире. Больше всего – любознательных японцев всех возрастов. Но и россиян немало. Из местного населения заметно преобладание школьников и студентов. Для них посещение Лувра бесплатно, как, впрочем, и для нашей Насти. Оказалось, что не надо платить за вход и в первое воскресенье каждого месяца. Если бы знать об этом заранее, то можно было бы и пораньше из деревни выехать. Хотя, вряд ли.

Каждый считает своим долгом сфотографироваться на фоне «Венеры». Вспышки фотоаппаратов сливаются в единое постоянное освещение. Несмотря на запрет снимать. Запретить народу тягу к прекрасному и к себе на фоне прекрасного – невозможно.

«Венера» для греческой скульптуры означает то же, что «Джоконда» – для европейской живописи.

Перед полотном Леонардо да Винчи – людей, как у нас на митинге против повышения тарифов. Даже больше. Стоят плотными рядами и молча приобщаются к прекрасному. Здесь уже нет такого оживления, и фотовспышки не сверкают.

Теперь «Джоконда» не только за бронированным стеклом. В радиусе пяти метров от картины установлено ленточное ограждение. А чтобы никто не вздумал его преодолеть, возле полотна поставлены два охранника. Заодно и за фотонарушителями успешно посматривают. Один из них сразу же подошел к нам и погрозил пальчиком. Заметил таки, хотя мы снимали без вспышки, и думали, что процесс увековечивания протекает незаметно.

Рядом с «Джокондой» – картины того же Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Тициана, Веронезе, Гварди. Десятки, сотни гениальных творений человеческих рук и духа. Но нет к ним такого внимания. Все идет к «Джоконде». Невольно формируется сопоставление с раскруткой певца или кандидата в депутаты. И вроде бы мало, чем выделяется среди других, а вот именно к нему народ почему-то тянется. Чем, скажем, «Мадонна с младенцем» хуже «Джоконды»? Но реклама, созданный ею имидж, делают свое дело. И ничего с этим не поделаешь.

Все же, как ни крути, «Джоконда» прекрасна! Так и будем говорить.

АВАРИЯ

Мало того, что в Париже исчезли машины напрокат, так вдобавок и с билетами на поезд все оказалось не так просто. Мы упустили из виду, что накануне рождества деловой Париж разъезжается по провинциальным родственникам. Билеты оказались раскупленными за месяц вперед. Мы же хотели взять на завтра. Поэтому искренне благодарили кассиршу транспортного агенства, которая сумела-таки найти нам откидные места в тамбуре девятнадцатого вагона.

Поезд на Тулузу отходил с вокзала Монпарнас. Оказалось, что наш вагон расположился почти за электровозом, а тамбур уже забит такими же, как мы, непредусмотрительными французами. Багаж, все шестнадцать мест, все же удалось разместить. Частично чемоданы мы сумели использовать в качестве сидений. Это уже чем-то приближало нас к экстремальным условиям путешествия.

Общие неудобства сближают людей. Поэтому очень скоро все тамбурные французы с неподдельным интересом увлеклись беседой с настоящими россиянами. Все-таки русские пассажиры поезда Париж – Тулуза, да еще в тамбуре, да с таким количеством багажа, да с гитарой, – это для Франции экзотика. Так неожиданно мы оказались в центре внимания местного населения, никогда до этого не видевших живых русских. Выручала наша местная Яна. Она не только понимала, что спрашивают, но и шутила, отвечая на вопросы любопытных. Все-таки, знание других языков, особенно той страны, в которую приехал, – великое дело.

Постепенно народ рассасывался, места освобождались, экстрим пошел на убыль. После остановки поезда в Бордо, для каждого уже нашлось сидячее место. Теперь можно было и по сторонам посмотреть, да с нашими электричками сравнить. Скажем сразу, сравнение не в нашу пользу.

Чего стоит даже только то, что в тамбуре каждого вагона оборудованы стеллажи для багажа и крупногабаритных грузов, например, велосипедов. Люди оставляют свои вещи и идут – кто на свое место, кто в поездной буфет. Удивительно, но вещи за все путешествие остаются на месте. Будто и не нужны они никому, кроме хозяев.

Каждое место вентилируется, велюровые сиденья, будто специально подогнаны под нас, настолько удобно сидеть. Нигде ничего не разрезано, не написано, не разбито и не выкручено. Это второй класс. А первый – и говорить нечего, потому что в первом мы и не были. Но и второго класса достаточно для общего представления.

По расписанию поезд прибывал в Тулузу в десять вечера. Но буквально через полчаса после Бордо пирамида наших чемоданов рассыпалась. Там действительно достаточно крутые повороты. Хотя из-за темноты и не видно извилистости пути, но виражи чувствуются. Как-то незаметно поезд остановился. Подумалось, что пропускает скорый, как часто случается у нас по пути в Москву. Минут через пятнадцать после остановки начали что-то объявлять по радио. Мы вообще ничего не понимаем. Наша Яна внимательно вслушивается, но, видно, тоже не все улавливает.

В конце концов, часа через полтора, выяснилось, что наш поезд со всего разбега уткнулся в автомобиль, нехотя застрявший на переезде. И проводок его перед собой метров пятьсот. В итоге оказалось, что поезд дальше не пойдет, ввиду неисправности, а новый состав уже вышел за нами из Тулузы. Объявление не то что не вызвало никакой паники или недовольства, но даже не внесло никакого оживления в спокойную размеренность вагонной жизни. Люди продолжали заниматься своими делами: кто-то читал газету, кто-то тихо разговаривал с соседом. Все шло своим чередом.

Никакой суеты не наблюдалось и при пересадке в запасной поезд. Всем кому требовалось – помогли выйти из вагонов ребята из местного МЧС. И вещи перенесли, и в новые вагоны погрузили. А ведь вокруг уже ночь, туман, больше напоминающий мелкий дождь.

Запомнился не сам факт происшествия, а то, как люди к нему отнеслись.

Все будто бы знали, что их не бросят, что им обязательно помогут. Потому и не было никакой суеты. Чувствовалась абсолютная уверенность в своем государстве. И уважение друг к другу. И к самим себе.

В тот вечер мы впервые это заметили. Как оказалось, эта вера французов в свою власть – едва ли не самое яркое впечатление от Франции. Потом это впечатление еще больше закреплялось, а сегодня, на фоне наших возобновившихся взаимоотношений со своим государством, стало доминирующим. Опоздали мы в Тулузу на четыре часа, но нас дождались. Зато назавтра Франция компенсировала это опоздание показом происшествия по всем программам телевидения. Оказывается, даже такие аварии у них случаются крайне редко. Так что в канун Рождества мы невольно оказались в самом центре событий бурлящей французской жизни.

Через две недели, на обратном пути, с восхищением рассматривали игрушечные городки и деревеньки, мимо которых тогда проскочили в темноте. После Бордо обнаружили, что до Парижа еще почти шестьсот километров, а по расписанию через три часа мы должны быть в столице. Думали, что опять опоздаем. Нет, прибыли вовремя. С помощью километровых столбов и секундомера подсчитали, что пролетаем от четырех до пяти километров в минуту. До трехсот километров в час. Невероятно! Самолеты, кажется, взлетают на меньшей скорости.

Одна загадка железной дороги так и осталась неразгаданной: у рельсов нет стыков, мы специально изучали во время стоянки. Потому нет и стука. Движение плавное, как на воздушной подушке. Но все-таки, как же рельсы соединяются друг с другом? Не может же рельс быть длиной в семьсот километров? Хотя, кто ее, эту Францию, знает

РУССКАЯ ФРАНЦИЯ

Русских во Франции гораздо больше, чем можно себе представить. Не только в Париже, но даже на далеком юге, почти на границе с Испанией. Причем это не только женщины, нашедшие здесь свою вторую половину, а вместе с этой половиной – и вторую родину. Здесь прочно обосновались и русские ребята. Не те, короткостриженные в кожанках. А обыкновенные инженеры и художники, водители и музыканты, сварщики и журналисты. Россияне любых профессий, и любого, даже пенсионного, возраста не чувствуют себя изгоями.

Нельзя сказать, чтобы новая родина рыдала от счастья и восторга, приняв наших соотечественников. Но не выгнала, и равнодушной не осталась. А приняла так, как могла и умела. С пониманием и посильной помощью.

Музыкант Слава. Сам из Таганрога. Закончил консерваторию. В совершенстве владеет всеми известными нам инструментами. Девять лет назад приехал во Францию. И остался. Сейчас легализовался, в ближайшее время получит гражданство. Арендует стометровую двухуровневую квартиру в городке Гайяк за четыреста евро. Но считает, что это дорого и собирается перебраться в деревню. Деревня от города ничем не отличается, но цены пониже. Так вот этот Слава выступает в русском шоу в музыкально-танцевальном ансамбле, состоящим, в основном, из бывших россиян и россиянок. Само собой, все – молодежь. Режим работы жесткий: постоянные изматывающие разъезды и регулярные четырехчасовые выступления. Но Слава доволен. Работа тяжелая, но и платят нормально. Хватает на все.

Именно он, Слава, балагур и весельчак, настоящий русский баянист-виртуоз, открыл нам глаза на источник благополучия Франции. Мы возвращались в свою деревню после экскурсии в чудесный городок Альби. Слава вел свою машину. И разоткровенничался. Мол, боится съездить на родину. Хочется – сил нет, а вдруг обратно не выпустят? До сих пор боится России, не верит, что она за эти годы изменилась. А еще именно Слава сказал нам, что ни за что, ни при каких обстоятельствах, он не обманет французское государство. Что налоги будет отдавать тютелька в тютельку, как положено. Потому что на себе испытал трудные дни без крыши над головой и без «копейки» в кармане. Именно тогда он почувствовал подставленное ему плечо этого государства. И с квартирой помогло на первых порах, пусть и не хоромы, и пособие назначило, пока на ноги не встал. Невесть какое, но с голоду не умрешь. Такое и наш человек не забывает.

Сержант Володя. Ему двадцать пять. Он старший сын в русско-французской семье. Наверное, поэтому свободно говорит как по-русски, так и по-французски. Володя проходит службу в морском десанте. В тот день, когда мы собрались у них дома, он успел по долгу службы пробежать пятьдесят километров, хотя больше похож на культуриста. Но на равных участвовал в застолье. Ему хорошо платят, поэтому он собирается навсегда связать свою жизнь с французской армией. А что не связать? – по вечерам-то дома. Если и случаются долгие командировки, то потом дают полноценный отпуск. Гордится тем, что ему на днях присвоят звание сержанта. Младшие детки по-русски говорят уже намного похуже. И это понятно.

Жена Володи, Татьяна, тоже русская. Свободно владеет тремя языками. Работает и учится. Кроме как во Франции, нигде себя не видит. Уже получает перспективные предложения по работе.

- Володя, а где ты служишь, если не секре? В иностранном легионе, наверное?

- Нет, не в легионе, а в регулярной французской армии. Сержанта скоро обещают присвоить.

- А чем вообще они отличаются – легион и армия?

- Да сейчас почти ничем и не отличаются. В армии только французы, граждане, но все больше темнокожих.

- А кто ж тогда в иностранном легионе?

- А в легионе, в основном, русские и украинцы.

В городе Кастр, это как наш райцентр, скажем, Бежецк или Вышний Волочок, при местной мэрии организовано больше двухсот ассоциаций. В них народ объединяется по интересам. Картежники и склерозники, шахматисты и охотники, любители устриц и садовники – все находят своих единомышленников и друзей. Есть здесь и русская ассоциация. В нее входит почти триста человек. Не только русские, но и сочувствующие. Жены и мужья, просто знакомые, те, кому интересна Россия. Регулярно собираются, делятся мыслями и новыми впечатлениями о нашей стране, проводят выставки и концерты. Иногда с самоваром, иногда просто так. Но людям интересно. Руководителей ассоциаций регулярно приглашает к себе районное начальство – как у них говорят, на аперитив. По-нашему, - выпить по рюмочке, другой. О проблемах рассказать, но больше, чтобы себя обозначить друг перед другом, выказывая тем самым взаимное уважение, доверие и благосклонность.

Каждый год мэрия проводит промышленные выставки, посвященные какому-то определенному региону. В прошлом году таким регионом стала Россия. Показывали продукты, конфеты, матрешек, меховые безделушки – именно то, что, по мнению большинства французов, присуще нам. А что еще показывать? Автомобили и телевизоры делать мы так и не научились. А ракету не повезешь же в заурядный французский райцентр. Ракет не напасешься.

Так на той прошлогодней выставке произошел забавный случай. Надо отдать должное Мишелю, он быстро запоминает единичные русские слова. Как охотнику, особенно легко ему даются названия животных. Человек он солидный, крупный, вызывающий уважение своей степенностью и достоинством. В меховом отделе выставки он долго разглядывал норковую брошь, а потом резко по-русски спросил: «Кошка?». Россиянка, ответственная за мех, как на грех, забыла французское название норки. Забегала, засуетилась, а вспомнить не может. А Мишель, не получая ответа, дальше показывает свои знания языка. «Собака?» - спрашивает он. В стане наших соотечественников нарастала паника. «Марья Ивановна, Марья Ивановна,

тут господин француз называет собакой нашу норку, а мы забыли, как она по-французски. Идите скорее сюда!» - уже в два голоса кричат наши. Мишель же, зная себе, как ни в чем не бывало, продолжает: «Кролик?». Легкая паника переросла в полное смятение. Правда, на этом запас охотничьих слов у Мишеля закончился, да и организаторы выставки, заглянув в словарь, вспомнили французское название пушного зверька. Дело закончилось совместным дружеским чаепитием. А брошь подарили Мишелю, точнее, Яне. Теперь меховой сувенир висит у них на видном месте, как первый охотничий трофей из России. Что ни говори, а французский язык во Франции надо знать.

ДЕРЕВНЯ

Французская деревня отличается от тверской и ярославской. Отличается она и от Парижа. Отношение французских крестьян к парижанам такое же, как наших селян – к москвичам. Хотя, не совсем понятно – почему. Наших – понятно, а французов – нет. У них в деревне жить - не хуже, чем в Париже. Еще и воздух почище, да и суеты столичной нет. А в остальном – все то же самое.

Деревню во Франции и деревней-то назвать нельзя. Все удобства, то есть свет, водопровод, газ, отопление, канализация, телефон, интернет. У всех спутниковое телевидение с множеством программ. Асфальтовые дороги заходят прямо в гараж. Ворота гаража поднимаются и опускаются пультом с водительского сиденья. Огороды есть не у всех. Многие считают, что дешевле купить в магазине, чем мучиться, выращивая. Хотя о хранении выращенного урожая здесь думать не надо – просто оставляют на зиму на грядке. Надо к столу свеклу или редьку, - вырвал из земли, помыл и съел. Салат и капуста растут круглый год. По крайней мере, в южной Франции.

Некоторые фермеры не засеивают свои поля и за это получают деньги от государства. За то, что не засеивают. Просто пишут заявление в мэрию о том, что они, конечно же, готовы поработать и засеять поле полезными семенами. Но это может привести к перепроизводству и сбоям в ценообразовании. Власть, как правило, прислушивается к народу и компенсирует фермеру возможные затраты на несделанную работу.

Те, кто хочет работать, а таких абсолютное большинство, работают до упора. Не один раз мы были свидетелями того, как вечером, уже в сплошном мраке по полю передвигается проблесковый фонарь – мигалка. Что у наших депутатов на машинах, у них – на тракторах.

В каждой деревне – свои магазинчики, хлебный – обязательно. Свое кафе и почта. Даже те, кто живет на отдаленном хуторе, как Яна с Мишелем, не оторваны от благ цивилизации. У всех есть свой автомобиль.

Деревенское жилище – образец здравого смысла. Здесь практически нет двухэтажных домов. Только одноэтажные. Чтобы не бегать по этажам в поисках друг друга. И нет экономии на самых важных местах – кухнях, ваннах, туалетах. Не жалеют площади и для гаражей. Поэтому они используются не только по прямому назначению, но и как мастерская, погреб или цех по изготовлению домашней колбасы. Так что почти у всех дома просторные, под двести метров. На двоих – в самый раз. В каждом доме – камин, тоже предмет гордости хозяина. Все сделано для удобства жизни. Только то, что нужно, и никаких излишеств. Ни башенок, ни мрамора, ни хрустали.

Отопление в доме Мишеля и Яны – электрическое, для горячей воды в гараже установлен трехсотлитровый электронагреватель. Газ - баллонный, баллона хватает на три месяца. За электричество наши французы платят около семидесяти евро в месяц, баллон газа стоит до двадцати евро. Мусор вывозится прямо от дома дважды в неделю. Мусор отвозят, а чистые пакеты привозят вместо него. Эта услуга оценивается в сто евро в год. Французы экономнее нас. Они искренне не понимают, как можно включить свет или телевизор, а самим уйти в другую комнату или в гараж. Нам пришлось по ходу перестраиваться, проходя уроки бережливости.

Предмет особого поклонения французских мужчин – ножи. Обыкновенные кухонные ножи. Длинные острейшие лезвия, точеные десятилетиями. От постоянной заточки они становятся в два раза уже - стачиваются и, тем самым, во столько же раз дорожают, как раритет. Конечно, наши женщины этого не понимают. Решили тут открыть стеклянные банки с закручивающимися крышками. А как это наши делают, если крышка сразу откручивается не желает? Просто переворачивают банку и ножом поддевают крышку. Мишель совершенно случайно стал свидетелем такой операции. Увидел и обомлел от ужаса. Его любимым самым острым ножом наши девоньки пытались подковырнуть крышку. Что тут, казалось бы, особенного? Но Мишель закричал нечеловеческим голосом, причем по-русски: «нет, нет, нет!». Потом, придя в себя от страшного зрелища, достал из кухонного ящика два металлических съемника. Съемники предназначены для

отвертывания фильтров при смене масла в автомашине. Стоят всего евро за штуку. Но французы прекрасно приладили их для открывания банок. Мы попробовали - у нас тоже получилось очень легко. Интересная деталь: во Франции все, что облегчает человеческий труд, стоит копейки. По крайней мере, меньше, чем у нас. Даже в мелочах, отчетливо просматривается отношение к человеку.

Ставни во Франции служат не только для защиты от солнца и посторонних глаз. Ставни – это традиция, это благополучие дома. Процесс их открытия и закрытия - это ритуал, непонятный для непосвященного. Для этого процесса нужны основательность и осознание важности происходящего. Действительно, что может быть важнее, чем запуск канала общения с внешним миром или его остановка. Поэтому задвижки, засовы, крючочки на ставнях, как и сами ставни, выполнены с особой тщательностью и любовью.

Не менее важны для стабильности деревенской жизни во Франции мухи, а точнее, их отсутствие. Залетевшее в дом насекомое, вызывает форменный переполох и коренным образом влияет на устойчивость быта. Охота на муху становится главным стимулом жизни. И все из-за того, что это невинное создание может где-то оставить свои следы. Французские мухи не равня нашим. Наши наглее и хитрее. И сразу оживают при плюсовой температуре. Здесь же, в начале января, при температуре на солнце под тридцать градусов, так ни одна и не проснулась.

Да что там мухи! Даже пыли нет. Ей просто неоткуда взяться. Там где нет асфальта – газон или поле. Нет ни кусочка земли, который мог бы стать источником пыли. От того и воздух неправдоподобно чист. И в доме пыли не бывает. Прямо как в операционной.

- Мишель, вот у вас все на электричестве, а вдруг свет отключат? Как тогда?

- ?

- Ну, бывает же, что свет вдруг отключается?

- А зачем ему отключаться?

- Аварии всякие, мало ли что?

- Нет, свет не отключается. Не бывает такого.

- Неужели за пятнадцать лет, как ты дом построил, ни разу электричество не отключалось?

- Ни разу. Это же неудобно.

ПРАЗДНИК ТРУДА

Две недели сидеть за накрытым столом, да ездить по экскурсиям надоеет любому. Чтобы разбавить реальной жизнью эту атмосферу праздности гостеприимные хозяева придумали для нас развлечение - трудовые будни. Точнее, - один настоящий рабочий день во французской деревне.

Так, пятого января мы отправились на чистку лука. Владелец хозяйства, высокий, поджарый седовласый француз, по имени Серж, встретил нас, как самых дорогих гостей. Казалось, именно нас он и ждал все предыдущие пятьдесят лет жизни. Но работа есть работа. Каждому - рабочее место, точнее стул около емкости с репчатым луком. И инструмент – секатор, за остротой лезвий которого поручено следить отцу хозяина. Язык не повернется назвать его дедом. Нет, полный энергии, шустрый восьмидесятилетний мужичок, который своим главным делом – точить секаторы, занимался в перерывах между чисткой лука.

Лук, надо сказать, не простой. А золотистый. Триста лет понадобилось, чтобы вывести именно этот сорт. Совершенно не горький. Очень сочный и почти сладкий. Золотистого окраса, не очень крупный, но и не маленький, правильной круглой формы. Все, что отличалось от стандарта, нещадно отбраковывалось. Например, белая луковица, независимо от размера и правильности форм. Или двойная, или вытянутая в длину. Или меньше четырех сантиметров в диаметре. Все это - или в отходы, или для себя. Но ни в коем случае, не для продажи, чтобы не компрометировать сорт и хозяина.

Смысл нашей работы заключался не только в сортировке по размерам и качеству, но и в обрезке. Корешки – под самую луковицу, но, не задев ее. И верхний стебель, в полутора сантиметрах от луковицы. За каждый килограмм очищенного лука, а в пластиковый ящик помещается десять килограммов, положено пятнадцать евроцентов. То есть, за ящик – полтора евро. Обычная норма – сорок ящиков, хотя нормы, как таковой, нет. Каждый делает столько, сколько хочет и может. Шестьдесят евро в день – это без особого напряжения. Если поставить перед собой серьезные цели, как наш Стаханов, то можно заработать и сто. Все условия для этого есть: тепло, светло, доброжелательная атмосфера. Мы до нормы не добрали, но по тридцать-сорок евро заработал каждый. Даже Настя, раньше не замеченная в трудовой самоотверженности, показала русскую

доблесть и сноровку. Не добрали до нормы не по своей вине, а по причине затянувшегося обеда.

Помимо оплаты за труд, хозяин добровольно взял на себя обязанность накормить работников полноценным обедом. К тому же появление русских само по себе для крестьянина французской глубинки – праздник, равных которому нет. Так что обед оказался таким праздничным, что праздничнее и не бывает. Десять литров добротного красного вина, пицца, домашние пироги от хозяев, привезенная нами икра и красная рыба. Не удивительно, что обед растянулся на три часа. Впрочем, похоже, что к такому повороту событий все были готовы.

Потом Серж показал нам свой дом и дом своих родителей, из которого, как выяснилось, можно выйти прямо в наш цех. Вообще, для француза нет ничего ценнее, чем выраженная гостем похвала его жилищу. Для нас это не составило труда, поскольку восхищение разумностью, элегантностью и шармом французского дома было совершенно искренним.

- *Серж, а что это за окошко такое в стене, как картина?*

- *Это и правда, как картина, даже дорожке.*

- *А с виду обычное небольшое окно, только между кухней и комнатой.*

Интересно.

- *Это фрагмент окна старого дома моих предков. В память о них я и вырезал это окно с частью стены. Видите, как красиво смотрится.*

Правда?

Под конец встречи, уже после обеденного труда, Серж, помявшись, предложил попробовать продавать его лук в России. Во Франции килограмм его лука стоит полтора евро. Это больше полусотни рублей. Плюс транспорт, если сюда везти. У нас тридцать рублей - самый дорогой. Можно, конечно, попробовать такой бизнес, но вряд ли что получится. А жаль. Лук действительно замечательный, вкусный. Такого у нас нет. И, похоже, не будет.

НАШИ ТУРИСТЫ

Русская речь слышна везде. По крайней мере, в Париже. Да нас-то и слушать не обязательно, чтобы распознать. Наших видно невооруженным глазом. И одеты вроде бы также, как местные, а иногда и покруче, и ведут себя достаточно прилично. А все равно, глаз сразу выхватывает россиянина из толпы и не ошибается. Скорее всего, есть какие-то малозаметные отличительные признаки, которые распознаются на подсознательном уровне.

На Больших бульварах расположился магазин «Фрагонар». Россиянки давно выделили для себя сеть этих парфюмерных фабрик и специализированных магазинов. Еще бы: «Фрагонар» производит и продает запахи - основные компоненты самых известных в мире духов. Все эти «Шанели» и «Опиумы» делаются из основы «Фрагонара». Что-то в эту основу добавляется, что-то разбавляется, полученное заливается в фирменный пузырек, наклеивается этикетка, к цене прибавляется еще один нолик, - и духи готовы. Наших не обманешь. Они знают что почем. Действительно, зачем разбавленное покупать втридорога. Можно и самим разбавить, если захочется.

Около магазина – плотные ряды молодых россиянок. Будто перерыв между лекциями в московском вузе. Или конкурс на звание фотомодели. Та же картина и внутри магазина. Мало того, из шести продавцов – только один китаец, да и тот на кассе. Все остальные – русские девчухи. Одна из них показывает нам коробку пробничков с духами и сетует на то, что стоило отвернуться, а двух мензурочек из десяти – как не бывало. Занюхали. А ты не зевай!

На смотровую площадку Собора Парижской богородицы очередь. Еще до билетной кассы каждому бесплатно раздаются буклеты с информацией о Соборе на разных языках. На французском языке – синего цвета, на английском – зеленоватые, на русском – желтые. Очередь радуется своей очевидной желтизной. Похоже, кроме россиян и японцев, никому вверх по крутой лестнице забираться не хочется. Это подтверждается и в процессе подъема. Каменная винтовая лестница настолько узка, что двоим трудно разойтись. Поэтому, поднимаясь, или спускаясь, надо прислушиваться: как там впереди обстановка? И, лучше всего, покрикивать вперед, обозначая свое присутствие. На любом уровне от земли слышна только русская речь. Причем, это не какие-то грозные выкрики, а просто разговор. То жена посылает мужа, то дедушка рассказывает внучке. Во всяком случае, встречные туристы знают, что впереди на них движется народ, и этот народ – русские. А что это такое, помнят не только французы. Крепка историческая память. Кстати, нам по секрету сказали, что в Доме Инвалидов, заложенном еще Людовиком XIV, живут несколько инвалидов той самой войны. Мы не проверяли.

Потерев куртками стены башен, углубив на несколько микрон многовековые протертости ступенек Нотр Дам де Пари, выходим на улицу с чувством выполненного долга. Приобщились к истории. Все разглядели, кроме Квазимодо. Обзор с Собора действительно, лучший в городе. Вроде бы и высоко, но и все, что на земле, еще можно разглядеть.

От Нотр Дам проходим по мосту через Сену. Пора перекусить. Но первое же кафе, сразу после моста, бьет наотмашь серьезностью цен. Обмениваемся мнениями, естественно по-своему. Невысокий кареглазый мужчина в черном кожаном пальто, обыденно, будто не в первый раз, спрашивает на чистом русском языке: «Вы русские?». Получив утвердительный ответ, предлагает отобедать неподалеку.

Слово за слово, узнаем, что наш новый знакомый – армянин, двенадцать лет назад покинувший родину. Что мы идем в кафе, где не только все гораздо дешевле, но и где говорят по-русски. Так в итоге и оказалось. В трех минутах хода, греко-русское кафе, с традиционно прекрасной кухней. Более того, этот армянин оказался владельцем заведения. Мелочь, но в следующий раз обязательно обедать будем именно там. Не только потому, что вкусно и дешево, но и потому, что какие – никакие, а свои все-таки.

- *Вы русские?*
- *Русские, русские.*
- *Давайте я покажу вам ресторанчик, где можно покушать быстро и дешево. И русский язык там знают.*
- *А далеко идти?*
- *Совсем рядом. Я провожу. Не бойтесь, переходите. В Париже можно идти на красный свет. Это в Германии нельзя.*
- *А вы здешний? Здесь-то как оказались?*
- *Теперь уже здешний. Посмотрите на меня, на кого я похож? На какую национальность?*
- *Честно? В общем, на европейца.*
- *Нет, я армянин, из Ленинакана. Двенадцать лет назад приехал сюда без ничего. Хорошо, что приехал.*

Настя нас удивила, когда зашли пообедать в кафе рядом с гостиницей.

- Смотрите, сколько наших в кафе, - говорит, - целых четыре столика.
- А как ты узнала? - спрашиваем, не скрывая удивления.
- Так у них у всех меню на русском языке, - смеется Настя.

Вот так. Действительно, для удобства россиян, поток которых неуклонно растет, делается очень много. Даже консервативное меню подрабатывается.

Русской речи в Париже гораздо больше, чем французской в Москве. Происходит своего рода односторонняя диффузия. Наши растекаются, растворяются во Франции, незаметно, но уверенно обогащая эту жизнь не только своими деньгами, но и привычками, манерами. Время покажет, хорошо это, или не очень.

ФРАНЦУЗЫ В РОССИИ

Два года назад французы были у нас в гостях. Сначала Яна привезла Мишеля, показать мужу родину. Можно представить впечатления француза, который и Парижа-то боится, как нечистой силы. А тут Москва с Кремлем, Тверь, Углич, Суздаль, Торжок. Да банька по черному на берегу Тверцы, да Селигер, да частный ресторан в Подмосковье с приемом по высшему разряду, да традиционное повсеместное русское гостеприимство до потери пульса. Наверняка Мишель был потрясен до глубины своей французской души. Он не встретил ожидаемых медведей на улицах, а увидел вполне сносную цивилизацию, пусть немного суетливую и бесшабашную, но достаточно вменяемую. В негативе у него остались только наши дороги, что позволило нам найти еще одно общепонятное слово – кошмар. Что на обоих языках с подачи французов означает одно и то же. А ведь мы его еще не возили по рижской трассе. Тут бы он вообще дар речи потерял.

Видно впечатления Мишеля были настолько новы и сильны, что вскоре по проложенной тропке приехали в Россию его родственники. Забегая вперед, отметим, что и они были настолько потрясены увиденным, что дали французскому радио двухчасовое интервью, насквозь пронизанное неожиданным и искренним восторгом.

Этот визит не только изменил их мнение о России, но и заставил по-новому взглянуть на свою размеренную, устоявшуюся жизнь. А в чем-то определил ее новые приоритеты, обогатил цели и стимулы.

Чего стоил хотя бы штурм электрички на Тверь, отправлявшейся с Ленинградского вокзала Москвы. Можно предположить, что такой массы целеустремленных людей, собравшихся вместе, они никогда не видели. А этот единый порыв, подхвативший наших французов и внесший их в вагон электропоезда. Впечатлений – на всю жизнь хватит. Будет хотя бы, что внукам рассказать. И травмы оказались совсем не страшными. Нашей Николь кто-то нос разбил локтем, да коленку в кровь содрала, падая в тамбуре. Хорошо, не затоптали. А то бы международный скандал мог произойти.

ПЕРСОНАЖИ

Родители Мишеля. Дети зовут их «папи» и «мами». А вообще, если переводить на французский, то мама – это «мэр», а папа – «пэр». Очень просто запоминается. Живут отдельно от детей, в десяти километрах от нашей деревни. Несмотря на почтенный возраст, а им далеко за семьдесят, с хозяйством управляют сами. Более того, с удовольствием водят не только свою «легковушку», но и трактор. Из всей родни, только у них,

у родителей, - хозяйство в нашем понимании. Куры и индюки, гуси и кролики. Вдобавок ко всему – три огорода, которые нуждаются в круглогодичном присмотре и уходе. Так получилось, что все огороды – в разных местах. Вот и приходится до них добираться на машине или на тракторе. Все же случаются периоды, когда дети приходят на помощь родителям. Это время заготовки мяса. По одному евро за килограмм покупается поросенок кило на сто, который безотходно перерабатывается во французские деликатесы: вяленую и кровяную колбасу, паштеты, карбонаты. Два дня плотной работы для всех, как правило, в выходные дни, и запасы

провианта на несколько месяцев восстанавливаются.

Сейчас родители собираются реконструировать свое жилище. Это обойдется им в шесть тысяч евро. Берут кредит в банке. Семьдесят процентов затрат готово взять на себя государство.

Николь – родная сестра Мишеля. Это ей дали локтем в нос при штурме в Москве электрички на Тверь. Устроилась со своей семьей в трех километрах от брата. Как и большинство французских селян, живет в своем небольшом, но очень уютном кирпичном доме. В семье три машины. Это действительно жизненная необходимость. Всегда и во всем, как и все французы, готова придти на помощь любому из родственников и знакомых. Работает бухгалтером в доме престарелых. Потому, наверное, от нее всегда исходит доброта.

Жан-Клод, муж Николь. Работает в фирме электриком. Монтирует отопление, вентиляцию и все другие электрические дела по всей округе, в том числе и в райцентре. Даже работал в Германии. Но он не простой электрик. У него двадцать процентов акций своего предприятия, так что его можно считать и совладельцем. Жизнерадостен и шустр. Русский знает плохо. А почему, собственно, француз вообще его должен знать? Это он вместе с Мишелем на своих машинах приезжали нас встречать на вокзал в Тулузу. Они же возили нас и к виадуку.

Сын Николь и Жан-Клода - Эммануил, или, как его зовут близкие, Маню. Двадцать лет. Хорошо говорит по-английски. Фанатично любит рыбалку. Родителей беспокоит то, что рыбалка увлекает его больше, чем противоположный пол. Деревенский парень, но исключительно городского типа. Высокий, худощавый, и в очках. Заканчивает институт, будет экологом. Собирается работать по специальности в каком-нибудь лесу и наблюдать за животными и птичками.

Орели, их дочка. Мы ее сразу начали называть ореликом. Заканчивает среднюю школу, в смысле, - лицей. Хороша из себя. Неплохо водит машину, которой у нее пока нет. На месте сидеть не умеет. Сгусток энергии. Не случайно, считается лучшим нападающим местной женской футбольной команды. Есть большая вероятность попасть в сборную Франции. Но не сразу, а со временем. Если не останется на второй год, то куда-нибудь поступит. На летние каникулы собирается поехать в Африку безвозмездно ухаживать за местными обездоленными детьми. Любит детей. Могла бы и сюда приехать, если подумать.

Терри. Бой-френд Светланы, тоже нашей бывшей соотечественницы. Наши девчонки, конечно, уже немного попривыкли и оборзели. Он и с ее детьми занимается, и обед готовит, и музыкант замечательный. Прекрасный компанейский парень. Это он потратил на нас целый день - возил в Сидобр вместо того, чтобы идти на работу. А Света все никак за него замуж не соглашается.

Все французы искренне улыбки и доброжелательны. И даже по-детски наивны. Мы – другие. Мы биты со всех сторон и потому обросли мозолями души. К нам так просто не пробиться. А французы доверчивы. Это умиляет и притягивает. До такой степени, что хочется их великодушно защитить от возможных напастей.

ЦЕРКОВЬ

Если темным зимним вечером видишь вдали светлое пятно, можно быть уверенным, что это церковь. Мягкая ночная подсветка выделяет стоящее на возвышении здание, которое не только служит ориентиром в кромешной тьме, но и напоминает о вечном даже ночью.

Без церкви деревенскую жизнь во Франции представить невозможно. Церковь здесь не просто место для диалога человека с всевышним. Или для монолога с самим собой. Во-первых, как правило, это самое древнее строение местности. И самое монументальное, величественное и впечатляющее. Уже в этом его ценность – начало истории деревни или городка.

Но церковь - это и ядро жизнедеятельности селения. Если попробовать описать деревенскую жизнь графически, то церковь располагается в центре круга, и от этого центра волнами расходит жизненная энергия. При церкви организованы курсы для взрослых и кружки для детей. При ней работает библиотека и спортивные секции. Церковь организует выставки. В нашей деревне, например, при церкви, уже несколько месяцев с успехом работает выставка русского фотохудожника, точнее, художницы. Нетрудно догадаться, что это наша Яна Васильевна, которая беззаветно любит фотографию, а несколько лет назад в Твери даже стала лауреатом фотоконкурса.

Церковь здесь близка к народу, а народ близок к церкви. Так сложилось. Это место, куда француз приходит, как к себе домой. Где его всегда ждут. Здесь нет слепого идолопоклонства и чинопочитания, но нет и возвышения служителей над прихожанами. Все равны. Принадлежность к церковной иерархии не дает никаких преимуществ и привилегий.

Мы попали с корабля на бал, а точнее, с поезда – на Рождество. На вечернюю мессу напросились сами, толком и не отоспавшись после дороги. Но ведь интересно же! Когда еще суждено лично поучаствовать в таком празднике, когда еще представится возможность побывать на главной службе года в католическом храме?

К девяти часам вечера церковь была заполнена людьми. Судя по количеству рядов, и мест в каждом из них, на мессу пришло не меньше трехсот человек. И стар, и млад. Казалось, здесь все жители деревни, и даже больше. Совсем юные прихожане мирно спали на руках у родителей.

Те, кто немного постарше, – пяти-, семилетние детишки, все как один в беленьких нарядных рубашонках, образовали чудесный сорокаголосый хор. Повернувшись лицом к собравшимся, и найдя взглядом родителей, они добросовестно выполняли свой общественный долг. Даже не долг, не обязанность. Это действие доставляло малышам очевидное удовольствие. Получалось слаженно и до слез задушевно. Здесь не было солистов – ни среди детей, ни среди взрослых. Все были равны, и каждый честно и ответственно исполнял отведенную ему роль. Крепло чувство, что все здесь собравшиеся – одна большая сплоченная семья с общими заботами и радостями. Таким это чувство и осталось.

Раньше как-то не обращали на это внимания, наверное, потому, что никогда до этого не хватало сил и времени на всю двухчасовую службу. Обычно зайдешь, помотришь – и дальше. А тут, раз уж пришли, раз стали элементами системы, надо не выделяться. Так вот, на этот раз мы обратили внимания, что процесс

службы для прихожан протекает очень гуманно: посидели полчаса, десять минут постояли и попели сами, и опять, посидели – постояли. Разумно. И человечно.

Во время одной из дальних экскурсий мы вдруг обнаружили, что отклонились от ранее намеченного маршрута, и уходим в горы, в сторону от трассы. Оказывается, наши французы решили преподнести гостям сюрприз. Дорога все петляла и петляла, и мы вдруг с удивлением поняли, что асфальт-то закончился, что едем уже по проселочной гравийной дороге. К хорошему быстро привыкаешь, мы уже и забыли, что могут быть какие-то другие дороги, кроме асфальтовых. Проселок серпантином тянулся все выше и выше в гору.

Местечко называется Сельванез. Здесь, на самой вершине горы, расположилась русская бревенчатая церковь с куполами из осинового лемеха, по бревнышку доставленная из российского города Вятки, или Кирова. Что удостоверяется памятной надписью на отполированной мраморной плите у подножия храма.

Нам необычайно повезло. Священник, который на свои деньги организовал перевоз церкви из России во Францию, совершенно случайно в это же самое время оказался в этом же самом месте, что и мы. Услышав голоса, он открыл дверь, и, познакомившись, долго благодарил всевышнего за эту встречу с русскими. А потом подробно рассказал нам об истории этой церкви, о своих миссионерских планах и мечтах.

Мечты его - необыкновенны. Есть в христианстве такое течение - экуменизм. Суть – в объединении всех христианских церквей, в преодолении различий, в сущности, совсем незначительных для простых смертных. Эта русская церковь во французских предгорьях пока только оборудуется. Но уже есть православный придел с множеством православных икон, и придел католический. И есть огромное желание горстки людей сделать мир лучше, чище и добрее. Может, в этом веке что-нибудь у них и получится. Дай Бог. Ведь Земля так мала, а жизнь так коротка, чтобы тратить ее на распри.

РОЖДЕСТВО

Рождество мы встречали у родителей Мишеля, у «мами» и «папи». Разумеется, их дети и внуки тоже были здесь. Мы даже приехали заранее, за два часа до оговоренного срока, чтобы помочь управиться с бутербродами и прочей закуской. Для юга Франции было на редкость холодно. Ночью - заморозки, но и днем в эти несколько дней температура от нуля поднималась не намного. Французы не роптали. Будто морозы для них – обычное явление. Они надели на себя все свитера и носки, и шалости погоды восприняли как должное. В доме – плюс пятнадцать, а им хоть бы хны. Наверное, понимают, что это временно, что не может здесь быть долгих морозов. А мы – жмемся спинами с непривычки к каминному огню и по-настоящему замерзаем.

Вопреки устоявшимся представлениям о французах, одежда для них – предмет второстепенный, не стоящий внимания. Они носят не то, что нарядно, модно или вызывающе дорого, а то, что удобно. Тем самым подчеркивается, что первичен человек, а не одежда. На это мы обратили внимание и в Париже. Но особенно это заметно в провинции. Отношение к одежде такое же, как к своему дому, к автомобилю. Уважительное, но главный критерий – удобство! Вот и сейчас, на один из главных католических праздников каждый надел то, в чем ему удобно. Конечно, где-то на Парижских подиумах кто-то что-то и показывает сногшибательное. Но абсолютное, подавляющее большинство простых французов к этим показам и новым нарядам совершенно равнодушны. Они живут в другом, реальном мире. И потому, в чем были в огороде, в том и за праздничный стол. Потому что удобно.

Еда для французов – это всегда праздник. Даже не сама еда, в смысле продуктов, а именно процесс еды, процесс приготовления и поглощения пищи. Поэтому ясно, что праздничный стол – это двойной праздник. Каждый хозяин стремится удивить гостей не столько новизной и изысканностью блюд, сколько соблюдением многовековых традиций и рецептов.

Рождественский стол – это не просто двойной праздник. Это пиршество. Это демонстрация кулинарного мастерства. Это показатель огромного уважения к гостям. Особенно к гостям из неведомой и диковатой страны. Поэтому этот стол требует подробного описания. Без этого не понять французской души.

Любое застолье начинается с рюмочки аперитива. К аперитивам относятся водка, настойки, наливки, все крепкое. А крепким французы считают то, что крепче двадцати градусов. Аперитив закусывается вяленой домашней колбасой, маринованными огурцами, всякими бутербродами. Благодаря нам на столе оказались бутерброды с красной икрой и российской твердокопченной колбасой. Но это все – только начало.

После аперитива подаются блюда, каждое из которых требует особого к себе расположения. И что не менее важно – особого вина. И не дай Бог ошибиться! Вдруг вместо красного сухого, нальете белое крепленое! Или продолжите пить аперитив. Вас не поймут. Потому что эту науку французы осваивают с детства.

На нашем столе вторым номером программы выступила утиная печень – фуагра. Оказывается, за несколько месяцев до рождества специально отобранных уток начинают умышленно перекармливать. Хорошо еще, что не спаивают. От переедания у бедных птичек печень увеличивается до невероятных размеров. Вот эта огромная печень, специально приготовленная, с зеленью, - и есть фуагра. Считается рождественским деликатесом. И по праву. Фуагру принято запивать светлым сладким вином.

Но и это было только начало. После фуагры – устрицы. Буквально вчера мы купили их целых четыре килограмма аж на десять евро. Есть устрицы – это искусство. Хотя бы потому, что для начала надо уметь вскрыть раковину. Это дано не каждому. А для русского человека надо к тому же и себя преодолеть, чтобы после вскрытия раковины залить в себя эту еще шевелящуюся массу. Лучше с лимонным соком. Чувство странное, но не смертельное. В неназойливых взглядах французов на нашу расправу с устрицами просматривается неподдельное любопытство и одобрение. Устрицы, оказывается, предпочитают белое сухое вино.

И это еще не все. Испытание и удовольствие продолжают. Главное рождественское блюдо - петух «Шапо». Как только, оказывается, не издеваются над пернатыми, чтобы угодить своему желудку. Но петух действительно очень вкусен. Он уже требует красного сухого вина. А гарниром к петуху выступают сладковатые и мучнистые жареные каштаны.

Под занавес подается несколько сортов сыра. Сыр также обязателен на французском столе, как у нас хлеб. Козий и коровий, мягкий и твердый, с плесенью и без нее. Да и плесень разная – где серая, где зеленоватая, где - голубая. Тут, говорят, в самый раз красное вино.

И, наконец, десерт. Ананасы и испеченный хозяевами рулет. И фиговое желе. Если совсем точно, то желе из фиго. Плоды есть такие.

А еще нам сказали, что вкус белого вина определяется на кончике языка, а вкус красного – в горле. Но это искусство также закладывается с детства. Мы пытались научиться, но пока получается плохо. А Мишель, он с закрытыми глазами определяет не только, в каком районе Франции выращен виноград, предназначенный для вина, но и когда, в каком году выпущена бутылка. И почти не ошибается.

Праздник заканчивается, все садятся по своим машинам и разъезжаются по домам. Пьяных нет, потому что не с чего. Не принято пить помногу. Да и потом, под такую закуску! Вот у нас бы!

Перед самым отъездом из деревни мы пригласили всех наших французов на православное рождество. Но и здесь главным праздничным блюдом тоже стало блюдо французское, с немного японским названием - фондю. Это сырный суп. И сыры для него нужны специально подобранные. Продащице магазина просто надо сказать, что нужны сыры для фондю. И она из сотни сортов подберет именно те, что подходят для сырного супа. Казалось бы, все очень просто: сыр расплавляется в белом сухом вине на специальных миниатюрных горелках. Процесс приготовления продолжается и на праздничном столе. С непривычки не так просто пронзить специальной палочкой ломтик хлеба, а потом намотать на этот ломтик вязкой сырной массы из общей емкости. Ускоренному обучению способствует французский обычай наказывать тех едоков, кто уронит свой ломтик в кастрюлю. За каждый такой промах виновный обязан снять с себя что-то из одежды. Мы очень старались не опозорить родину, потому остались одетыми. Но слышали, что полные раздевания в таких ситуациях – не редкость. Видно, надо очень сильно постараться. Или фондю приготовить очень густое.

ЗЕЛЕНЬ

Описание праздника было бы неполным, если не сказать о зелени. Зелень – салат, петрушка, артишок на столе и утром, и вечером. Причем другого может ничего и не быть. Только французский батон, зелень и соус. Вкусно, сытно и полезно. А рецепт соуса очень прост. Берется одна столовая ложка горчицы, добавляется сок половинки лимона, давится два зубчика чеснока. И постоянно перемешивая, потихоньку вливается полтора стакана растительного масла. Вот и весь соус. С таким соусом, хоть килограмм зелени улетит – не заметишь.

Есть, правда, одна тонкость. Французы, до того как давить чеснок, обязательно разрезают зубчик пополам и вырезают из него сердцевину. Ту самую, из которой потом пойдет зеленый росток. Говорят, что это надо делать обязательно, потому что в этой сердцевине что-то неправильное. Так что, если есть желание почувствовать себя настоящим французом или француженкой, надо просто приготовить такой соус. И поесть с ним зеленых листьев салата.

Артишок мы впервые увидели во французской деревне. Слышали до этого много, а вот увидели – в первый раз. Растение похоже на наш чертополох, только большой, а на верхушке – зеленая розетка, чем-то напоминающая агаву. Оказывается, этот самый артишок – одно из самых целебных растений, существующих в природе. Так рассказывают. Но в том, что с помощью его отвара можно навсегда забыть о хронических болях в печени, мы сумели убедиться.

ЛЕНОЧКА

Не будь с нами Лены, мы бы не то, что могли бы затеряться уже в парижском аэропорту, мы бы и во Францию никогда не собрались. Именно она воодушевила свое ближайшее окружение на поступок. Несколько лет назад лучшая подруга Яна попросила ее быть свидетелем на своей свадьбе с Мишелем. Попросила в феврале, а свадьба была назначена на апрель, во Франции. Оставалось полтора месяца на овладение французским языком. У них так положено, что свидетель обязан понимать, где он присутствует, и что вообще происходит. Ну и что? – выучила. До такой степени, что даже могла ответить на вопросы мэра деревни, который самолично вел процедуру бракосочетания от начала до конца. После этого она с чистой совестью могла говорить, что вела беседу с французским мэром, тем более, что так оно и было. После этого она запомнила и направление движения в деревню и из нее. А что Лена запоминает – это навсегда.

Так что Леночка, помимо всего прочего, оказалась тем звеном, которое накрепко связало нас с незнакомой страной своим достаточным знанием местного языка, знанием истории и знанием вектора нашего передвижения по Франции. Все наши диалоги в гостинице, в билетных кассах, в такси, в магазинах – все легло на ее хрупкие плечи.

Одно только передвижение по Парижу чего стоит. Город знает без карты. А с картой – с закрытыми глазами, как таксисты-аборигены. Лена говорит, что в прошлой жизни она здесь жила, потому и знает, куда надо идти. Причем она правильно выбирала не только направление движения, что уже само по себе вызывало удивление и восхищение, но и малозаметные переулочки, непременно приводящие к цели. Но если она жила там в прошлой жизни, то откуда она знает схему метро? Метро-то – относительно новая структура. Загадка.

ВИАДУК

Для этого путешествия был выделен специальный день. Французы прямо сказали, что нам предстоит увидеть нечто из ряда вон выходящее. Чем они уже заранее перед нами гордились. И не скрывали своей гордости. Мы же знали, что нам предстоит посмотреть недавно открытый мост в ста пятидесяти километрах от нашей деревни, на пуск которого два года назад приезжал сам президент Франции.

Но мы знали и то, что наши Волга или Обь, намного шире, чем Сена, а тем более Тарн или Агут. Даже Тверца с Сенной может сравниться, по крайней мере, скоростью течения. И мосты наши подлиннее будут в любом случае. Французы этого не знали, но не могли же мы обидеть хозяев своим отказом.

Утро выдалось туманным. Туман все больше усиливался по мере того, как мы на двух машинах продвигались в горы. Не раз, и не два подумалось, что зря ведь едем. В таком тумане не то, что моста – столба рядом не увидишь. Солнце то выскакивало из белых клубов, то снова пряталось. И тогда вновь наступали тревожные сумерки.

Постепенно наши опасения уменьшались. Все чаще проглядывало солнце. Все реже появлялся туман. Специально остановились у горы причудливой формы. Оказалось, что внутри этой горы расположилось производство и хранилище сыра «Рокфор». Того самого, что с плесенью. Как выяснилось, – один из лучших сыров не только во Франции. Но экскурсия на глубину в шесть этажей и протяженностью два километра в этот раз не входила в наши планы. «Рокфором» пришлось пожертвовать ради моста. Без остановок проскакивали мы и маленькие сказочные городки. В каждом из них можно было бы провести целый день, изучая, рассматривая и восхищаясь. Но наша цель была добраться до виадука Мье, названного так по имени одного из городков, оставшихся под ним.

Он появился внезапно. Машины развернулись и остановились на краю горного склона. Вдали, в нескольких километрах от нас, перекрывая все ущелье, растянулась серебристая нитка виадук. На таких же серебристых нитках - опорах. Впечатление такое, что это не здесь, это где-то в другом мире, потому что в этом мире такого не может быть. Прямо фантазмагория какая-то!

Виадук строился три года. К его проектированию и строительству были привлечены лучшие инженерные головы Франции и все ее ресурсы. Впрочем, проектировал-то как раз англичанин. Проект был объявлен национальным. Виадук выпрямлял трассу Париж - Барселона, сокращая ее почти на пятьдесят километров. Он освобождал от

потока машин шесть милейших городков, поскольку теперь проходил над ними и немного в стороне. А самое главное – мост помогал избежать жертв дорожных аварий. Ежегодно на узких крутых горных поворотах старой дороги погибало по три – четыре человека. Для Франции сохранение даже одной человеческой жизни – решающий аргумент в пользу любых затрат.

Высота опор моста – больше Эйфелевой башни – триста сорок три метра. Точно такой же длины и пролеты между девятью опорами. Восемь полос движения – по четыре в каждую сторону. Старый мост через реку Тарн в глубине ущелья стал практически незаметен на фоне фантастической паутины тысяч блестящих стальных тросов, соединяющих вершины опор с дорожным полотном.

Восемь евро с машины за два с половиной километра восторга – не так уж и дорого. Французы, правда, отговорили нас делать крюк в десяток километров для того, чтобы заехать на виадук. Вовсе не из-за своей прижимистости. А из-за того, что в целях безопасности движения строители оградил дорожное полотно забором из матового оргстекла. Да так, что водителям на мосту окружающие красоты не увидеть при всем желании. И правильно, смотреть надо не по сторонам, а вперед. Тем более на такой высоте.

Под мостом расположился музей виадук. Здесь показывают фильмы о ходе строительства, на стендах – фотографии, на стеллажах бесплатные книги и буклеты на разных языках. Все посвящено виадуку. Рядом – магазинчик сувениров и цветных фотографий. Здесь уже все за деньги. И немалые. Но зрелище, память о нем, того стоят. Например, удачная фотография, где опоры виадук снизу, до половины – в облаках, а верхняя часть и сама дорога – над облаками. Можно только представить ощущение водителей, проезжающих по облакам.

Прямо под дорогой, рядом с музеем, за забором из сетки «рабица» черная лошадь спокойно жевала январскую траву. Чувствовалось, что не зря она здесь. Скорее всего, в ее функции входило возвращение многочисленных туристов из шока от увиденного к реальной жизни.

Действительно, шаг в новый век, в совершенно новые технологии и представления о человеческих возможностях. На фоне этого виадук меркнет даже Эйфелева башня и скоростные поезда.

ЛОТРЕК

Лотрек – маленький городок в получасе езды от нашей деревни. Такой же ухоженный, такой же привлекательный, как все французские городки и деревеньки. Но его нам показали специально. Потому что он отличался от других. Отличие в том, что городок стоит на остроугольном трехсотметровом конусе. У подножия этого конуса - пруды, на вершине – огромное бетонное распятие, а между основанием и вершиной – лента дороги, опутывающей этот конус, и круто забирающей вверх. Или вниз – это откуда посмотреть.

Чуть в сторону от конуса – короткие узенькие улочки, сдавленные двухэтажными домами. Окна со ставнями, но цветочные горшки выставлены наружу. Дома – из камня, но кажутся теплыми и добрыми.

С южной стороны конусообразной горы - лето, с северной – зима. Так это воспринимает и январская природа. С одной стороны нормальные листья и цветы, с другой – иней. Иней и на сосновых иголках, и на листьях, и даже на лопастях деревянной мельницы, по-хозяйски расположившейся почти у вершины. Зеленые листья обрамляет почти сантиметровой ободок инея. Удивительное сочетание настоящей зимы и абсолютного лета.

Мы за эти дни повидали много городов французской провинции. Лотрек и Гайак, Сен Африк и Монтебан, Альби и Вильфранш. Впрочем, Вильфраншей во Франции - множество. Потому что «вилль» – это город, как и «виллаж» – деревня. Но все они прекрасны своей чистотой и удивительным достоинством. Здесь нет забытых наглухо окон. Здесь идет налаженная веками размеренная жизнь. Невероятно, но не раз за время путешествия промелькнула мысль о том, что неплохо бы здесь пожить. Хоть немножко. Хоть год, хоть месяц. Мечтать легко, а жить на что?

СИДОБР

Еще одна, достаточно долгая, экскурсия - Сидобр. Так называется природный заповедник в тридцати километрах на северо-восток от нашей деревни. Как его правильно обозначить: заповедник, или памятник природы, или просто фантастически красивое место, - трудно дать точное определение. Для того, чтобы понять, что это такое, надо представить множество валунов каждый размером с многоэтажный дом, сваленных в одно ущелье. Это ущелье – русло, а точнее, исток реки Агут. Здесь, в горах, он еще ручеек, совсем не видимый под грудой валунов. Нам, конечно, повезло, что на дворе стояла французская зима. Взгляд не отвлекало разнообразие весенних и летних красок. Ярко-оранжевый ковер из опавших дубовых листьев подчеркивал своим контрастом грубую серость многовекового камня и буйную зелень мха на северных боках валунов.

Нас как учили? Прошел ледник, приволок с собой валуны. Поэтому, мол, столько огромных камней в Финляндии, в Эстонии, в Карелии и Ленинградской области. Это понятно. Но что эти каменные громадины делают на юге Франции? Причем французские валуны несопоставимы по размерам с финскими. Прошли мы метров пятьдесят по совершенно горизонтальной площадке, оказалось – по макушке валуна. То есть камень диаметром ну никак не меньше двухсот метров. Причудливые нагромождения камней то здесь, то там. Одна композиция краше другой. Эта напоминает тюленя, приподнявшегося в стойке. Эта – детскую пирамидку, только вместо колец – многотонные камни, неведомо как взгромоздившиеся друг на друга. А здесь можно позабавиться, раскачивая верхний валун специально приспособленным для этого рычагом.

Чтобы добраться до пещеры Святого Доменика, надо спуститься вдоль каменной гряды по старой деревянной лестнице ступенек на двести. И не лень же! Посмотрели. Пещера, как пещера. Но почти наверняка мы знаем: до нас здесь русских туристов не было! Только ради этого стоило сюда приехать. Чтобы посмотреть и рассказать соотечественникам об этом заморском чуде.

ЧТО ПОЧЕМ?

Отношение к иностранной валюте у российского туриста меняется по мере привыкания к стране. В первые дни боязнь ошибиться и потратить лишнее преобладает в расчетах. Невольно и неуправляемо мозг сам все умножает на тридцать пять и противится любому решительному шагу, связанному с затратами. В том числе и с затратами на полноценное питание этого самого мозга. По мере привыкания и освоения, к концу первой недели, начинается короткая полоса торжества разума. Здесь отсеивается и не покупается ничто лишнее, не совсем нужное. Необходимое же приобретается спокойно и решительно. Но этот период длится недолго. После него наступает период помутнения рассудка, когда покупается все, на что еще хватает денег. Здесь уже к местной валюте начинаешь относиться как к рублям, приравнивая их друг к другу и уже не умножая цены на тридцать пять. В любом случае, к моменту посадки в самолет на Москву в кошельках не должно

остаться ничего. И это нормально.

Что почему? – один из самых важных житейских вопросов. Если отвечать на него коротко и ясно, то все цены соразмерны с нашими. И на продукты, и за квартиру, и на одежду. Правда, зарплата у французов повыше. И намного.

А если хочется подробностей, то надо анализировать и сопоставлять. С точки зрения художественного восприятия французской жизни, это скучно и неинтересно. А для многих наших соотечественников, наоборот, - именно сухие цифры - главный показатель уровня жизни. Хочется же нам быть впереди всех. Тогда начнем. Учтем, что цены в провинции на треть, а иногда и наполовину, ниже парижских.

Совсем непонятно, как у них еще что-то передвигается, в смысле транспорта. Бензин в переводе на наши деньги стоит сорок пять рублей. На всех автозаправках цена практически одинакова. Как и везде в Европе. Только в России, переезжая границы областей, осознаешь региональную разницу. Но зато у нас, в отличие от них, остаются возможности роста.

Хотите постричься? Нет проблем. Мужская стрижка – восемьсот рублей, женская – тысяча двести. Это обычная парикмахерская в Париже. Тоже отстаем, но стремительно догоняем.

Цен, ниже одного евро, практически нет. Это результат перехода к единой евровалюте. Инфляция и девальвация франка. Меньше одного евро стоят только некоторые сувениры, например маленькие алюминиевые копии эйфелевых башен, да открыточки, размноженные на множительной технике, отдаленно напоминающие авторскую графику. Треть евро, то есть почти как у нас, стоит белый батон, в том числе и уже упомянутый «французский». А «черного» хлеба, в нашем понимании, там просто нет.

Что намного существеннее, меньше одного евро – 30 рублей - стоит и бутылка легкого сухого вина. Причем, как белого, так и красного. Доктора говорят, что сухое красное вино очищает кровь и омолаживающее действует на организм в целом. Если это действительно так, то за три недели мы полностью заменили себе кровь и до неузнаваемости омолодились. И не только из-за доступности продукта в смысле цены. Вино и правда пьется с удовольствием. Чувствуется в нем эдакий французский шарм, недоступный нам здесь, в России, даже в самых дорогих бутылках.

Цены на продукты, если их не покупать в центре Парижа, не намного отличаются от российских. Мясо – на рынке от тридцати рублей за килограмм до двухсот рублей в кулинарии. Но это филе. Столько же, по двести, - свежие форель и лосось. Выглядят они намного приятнее, чем наши перемороженные поленья за четыреста. Свежий угорь уже подороже – почти десять евро. Столько же и утиное филе. Умножаем – получаем триста сорок. Свежие экзотические устрицы можно найти по сто рублей за килограмм. Опрятная аппетитная курица – 60 рублей за кило. Баранина – сто. Цены на сыры, вареные и копченые колбасы до удивления совпадают с российскими. Некоторые сыры там даже подороже будут. Но это такие сыры, которых мы и в глаза не видели, и названий не слышали. Дороже вода. Почти евро стоит пластиковая полуторалитровая бутылка. Иногда дороже фрукты и овощи. Все цены крутятся в районе от одного до двух евро. Где-то немного побольше, где-то чуток поменьше. Огурцы и помидоры, бананы и груши, виноград и огурцы, киви и апельсины, салат и всяческая другая зелень, – все от одного до двух евро за килограмм. Дешевле, меньше полутора, – картошка, капуста и репчатый лук.

Бросается в глаза то, что во Франции, как и в большинстве социально ориентированных стран, есть продукты, предназначенные, как это сейчас у нас говорят, для необеспеченных слоев населения. Кости с остатками мяса, субпродукты, куриные и рыбы головы, овощи, слегка потерявшие товарный вид, - все это продается по бросовым ценам. Это для тех, кому сегодня нелегко.

Хочешь – не хочешь, а напрашивается сравнение и с Эстонией, где на рынках килограмм свиных ног для холодца можно купить за восемь рублей, а рульку – за тридцать. У нас же голые говяжьи кости уже перевалили за пятьдесят. Вот и сравнивай, где о народе думают.

Но насчет водки и сигарет – здесь мы недосыгаемы. Водка у нас дешевле, если сравнивать с Францией, в четыре-пять раз. А сигареты – в двадцать! И пусть кто посмеет сказать, что мы о людях не думаем.

Соотношение цен в одежде такое же, как и в продуктах. Все примерно одинаково. Конечно, можно женское платье или мужской костюм на Елисейских полях купить за три тысячи евро. А можно точно такое же платье и такой же костюм приобрести в супермаркете «Ашан» в провинции за сто двадцать евро. «Ашан» - это система магазинов, паутина которых сплетена не только вокруг Москвы, но и по всей Франции.

Перед отъездом домой мы застали так называемое «сольдо». С 10 января по всем магазинам покатила волна очередного сезонного планового снижения цен. Где на треть, где наполовину, а где и на семьдесят процентов. Так всегда делается после новогодних праздников. Сбрасывается весь залежалый товар. Народ долго готовится к этому дню, а десятого, с самого утра штурмует магазины. С прилавков и с вешалок сметается все. Но минимальный ценовой порог остается. Дешевле, чем за пять евро, все равно ничего не купишь. Предел такой, обозначающий, что ниже цены просто не бывает.

Удивительно, но это «сольдо» помогло и нам совершить знаковую покупку. Дело в том, что Настин папа не устоял перед мольбами дочери и выделил ей целевым назначением валюту на платье для выпускного вечера. Это платье женская часть нашей группы искала настойчиво и добросовестно. Искали и в центре, и на Монмартре, и в Латинском квартале, везде, где можно было искать. Но того, чего хотелось – не было в Париже. Вроде бы нашли на Больших бульварах. Оказалось, что эти платья не продаются, а даются на вечер в аренду. И только уже накануне отъезда отчаявшиеся искатели набрали на магазин, где на четвертом этаже вниз нашли то, что искали. То, что до скидок стоило семьсот евро, сейчас отдавали за триста. Вишневое, простенькое, без всяких украшений платьице. От Армани. Это невероятно, но оно действительно было пошито точно на нашу Настю и только на нее. Все другие наряды – меркли. Это сразу заметили все. Значит, и правда, есть что-то в этих фирмах, есть у них свой секрет, сводящий с ума божественностью линий и неземной грацией.

- *Настенька, ну что ты расстроилась из-за какой-то сумочки? Купим в следующий раз.*

Видишь, не успеваем?

- *А может еще успеем? Там такая сумка красивая, так к платью этому подходит.*

- *Где ж ты ее видела?*

- *Да рядом с гостиницей, на распродаже.*

- *Настя, забудь. Девушка, купившая платье от Армани, не должна покупать сумки ото рвани.*

Теперь о доходах. Зарплата у них не может быть меньше, чем шесть евро в час. Что такое зарплата в конвертах никто не знает и знать не хочет. Только через банк. Минимальная месячная зарплата - 360 евро, или больше двенадцати тысяч по нашему. Но это тоже, как и у нас, - чисто символический МРОТ. Редко кто при постоянной работе получает в переводе на рубли меньше семидесяти тысяч в месяц. Хватает на все.

Мы разговаривали с одним французским военным пенсионером, пенсия которого перешагнула за три тысячи евро. Но это не показатель. Он служил старшим офицером в каких-то особых элитных, но вредных для здоровья, частях, потом работал в морской экологии. Так что можно считать, что это около максимума. Но ведь все равно неплохо – не депутат и не чиновник, а пенсия – за сто тысяч, если на наши перевести. А так, у обычных людей, пенсия составляет половину от средней зарплаты. А у нас, согласно статистике, – двадцать процентов. И средняя меньше, и процент меньше.

Но все эти зарплаты и пенсии – ерунда по сравнению с тем, как налажено социальное обеспечение французов. До поездки мы и не представляли, что такой социализм вообще возможен. Тем более, в капиталистической стране.

Человек, официально заявивший о себе французским властям, с этого самого момента берется государством под свое покровительство. Если, конечно, находится во Франции легально. Ему обеспечена медицинская помощь через отлаженную систему медицинского страхования. Ему обеспечены всевозможные пособия. Но при одном условии: государство нельзя обманывать!

Пособия такие, что на них не только может семья прожить, но можно и дом или машину в кредит купить, не работая. Сами видели.

Видели мы и рядовую районную больницу, по которой в течение полутора часов нас любезно провела медсестра. Причем, мы ни с кем не договаривались, а просто с улицы зашли посмотреть. Разница, как говорят, - без комментариев. Зато у них долго на койках не залеживаются. Чуть полегчало – и выписывают. Все бесплатно или с большой скидкой, в том числе и лекарства, потому что за все рассчитываются страховые компании.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Да, мы отстали в передовых технологиях, но не намного. Можно при желании подтянуться. Мы отстали в желании работать. Но и это поправимо. Можно найти стимулы, активизирующие тягу россиянина к труду. Где мы отстали очень серьезно, так это в отношениях. В отношении человека к государству и государства к человеку. В отношениях между людьми. Во Франции все основано на взаимном уважении, доверии и доброте.

У нас веками укреплялось желание государства обмануть своего гражданина. Гражданин отвечал находчивой взаимностью. Обоюдное недоверие сегодня работает уже на уровне инстинкта. А что-то изменить, сделать так, как у французов, - вряд ли получится в ближайшие сто лет. Уж больно глубоко въелось.

Одним из главных наших приобретений за время поездки стал атлас дорог Франции, где в одном сантиметре – всего два километра. Мечта автомобилиста. Не зря же мы его покупали за семнадцать евро, теперь надо ехать на машине. Ведь даже в Париже не все посмотрели.

Несмотря на наличие путеводителей, мы каждый день с помощью своих ног открывали что-то новое, путеводителями не отмеченное. Да и из того, что отмечено, за несколько дней все не обойти. Не побывали мы в центре Помпиду, хотя вокруг него и походили. Не зашли в Музей д Орси, благополучно занявший здание бывшего вокзала. Не прошли по деловому кварталу Дефанс. Не съездили мы и в Версаль, хотя и говорят, что наши Петергоф и Пушкин ничуть не хуже. Но все равно надо бы. А сколько памятных мест, где жили и творили великие мастера пера и кисти, в суете и незнании проскочили

А юг Франции? Непременно надо съездить в Каркасон – город-замок, еще раз побывать в Альби, добраться до Марселя и Лазурного берега, что на востоке от наших французов, и до Бордо – на западе. Обязательно нужно прокатиться на маленьком желтом поезде в Пиринеях и посмотреть грот девы Марии в местечке Лурд, что в трех часах езды от наших французов в сторону океана. Туда каждый год приезжает Папа Римский и тысячи паломников. Говорят, что там происходят чудесные исцеления. Надо проверить. Так что перспективы – необозримые, но вполне достижимые. Но главное – надо посетить остров Сен Мишель, ведь это благодаря нашему Мишелю Франция стала нам родной!
Ну что, поехали?